

Анна ЧЕРНЫШЕВА

**Научиться
писать небеса**

Рассказы

Новокузнецк
2017

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА

**Научиться
писать небеса**

Рассказы

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч 49

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна

Научиться писать небеса : рассказы / Анна Чернышева ; составитель – Калашников Н.Н. ; послесловие Русланы Ляшевой (Москва) ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 76 с.

© Анна Чернышева
© Р.П.Ляшева «И вечное обаяние юности», 2014

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ «Контакт» с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой» – в сборнике «Люди в квадрате: Проза "Контакта"» (Новокузнецк, 2004). В 2008 году Новокузнецким полиграфкомбинатом выпущена книга исторических и мистико-исторических рассказов Анны Чернышевой «Будущие воспоминания». КЛФ «Контакт» выпустил пять книжек исторических и фантастических рассказов Анны, роман «Чужие боги» (2013) и роман «Звезда бессмертия» (2015).

Московским издательством «Авторская книга» выпущена книга исторических рассказов Анны Чернышевой «Женщина на корабле» (2013) и две детских книжки – «Весёлая зоозбука» (2013) и «Николкино лето» (2014).

Синие кафтаны

1698 год. Москва. Возле кремлёвских стен.

Октябрь настал хмурый. Небо постоянно было затянуто серыми угрюмыми облаками. То и дело сыпал мелкий, холодный бесприютный осенний дождик.

Маленькому Ване было безумно страшно. Ему было всего шесть лет отроду. Мальчонка стоял в самом первом ряду огромной толпы простолюдинов, собравшихся глазеть, как царь Пётр будет стрельцов казнить. Грубые плахи – обрубки толстенных деревьев, выстроились в длиннющий ряд. Ваня глаз не мог от них отвести.

С дальнего края жуткой шеренги слышались крики, молитвы, удары... крики всё приближались. Мальчик не замечал, не видел людей, только эти чурбаны, чурбаны...

Сзади стояла его мать, крестилась, прижимала сынишку, то ли защищала, то ли держалась за его плечики, чтоб не упасть. Там среди стрельцов ждал своей очереди на плахе её муж, кормилец, средоточие всей её жизни.

Он стоял, низко опустив бородатую голову, крепкий и русоволосый. Каким надёжным, спокойным всё казалось ещё вчера...

А теперь кошмарные топоры резко вздымались вверх и обрушивали смерть. Навсегда отнимали близких, родных, любимых. Расправа неуклонно приближалась. Тоненькая слабая, словно волосок, надежда шептала, вот сейчас царь насытится и прекратит казнь. Не дойдёт страшный черёд до Ваниного отца. Сын так хорошо помнил его смоляной запах, но со стороны ударов ветер швырнул в лицо мерзкий запах крови. Отец уже опустился на колени возле плахи, в это время к стрельцу большими размашистыми шагами подбежал возбуждённый, какой-то растрёпанный, одетый в семёновский синий кафтан с красными обшлагами, чудовищно долговязый царь Пётр. Иван видел его впервые и поразился его узким плечам и вертлявой фигуре. Не подходил он на царя.

Пётр деловито поплевал на ладони, протянул большую ручищу к топору, забрал его у палача:

– Дай, я сам.

Поднял двумя руками топор, злой взмах, холодный блик на лезвии. Мальчик резко отвернулся, уткнулся лицом в мамину юбку...

Царь сделал Ваню сиротой...

Прошло одиннадцать лет. Всё изменилось. Семьи бунтовщиков выслали из Москвы. Вдову поселили в маленькой деревушке Ивановке. Она снова вышла замуж, родила Ивану ещё троих братьев. И, казалось, совсем забылись

московские плахи, только тёмной ночью всё тревожили сны удары топоров. Тогда Ваня кричал и потом вспомнить не мог, что ему снилось.

Деревенская жизнь размеренно катилась, как дедами заведено. И не имело никакого значения, что царь календарь поменял и новый век объявил, важно было то, что настала Ивану пора жениться, да свой дом строить. Мысль эту он и крутил в голове то так, то эдак, толком и внимания не обратил на то, что понаехали в их деревеньку чужие грозные служивые люди.

Иван остановился на крыльце неказистого дома отчима, расплылся в довольной улыбке, сладко потянулся. День был замечательный, летний, солнечный. Настроение у парня было отличное, благостное. Иван вымахал рослым, широкоплечим, сильным. Он вертел русой кудрявой головой, смотрел на мир ясными голубыми глазами. По его щекам разбежались весёлые пятнышки веснушек. Он особенно гордился своей только недавно отросшей светлой бородкой. Парень провёл рукой по мягким волосам, одёрнул свою новую белую рубаху, притопнул новенькими, ещё совсем светлыми лаптями и хотел отправиться на дальний конец деревни к старику Фёдору, к его дочкам присматриваться. Парень твёрдо решил осенью жениться на одной из них, только ещё не определился – на которой.

В ворота грубо стукнули и вошли трое совсем незнакомых людей. Первым шагал важный пузатый сановник в зелёном кафтане, в тёмном парике и странной шляпе, с загнутыми полями. Он окинул Ивана хитрым прищуренным взглядом: здоровый, высокий, плечистый, нос картошкой.

За спиной толстяка щетинились пиками двое солдат, тоже в чёрных треугольных шляпах. В их синих коротких кафтанах Ваня узнал мундиры, что видел тогда страшной осенью. В сердце холодной змеей вполз страх.

– Иванов, – строго спросил сановник, ткнув пальцем в парня.

Кудрявый кивнул.

– Один у матери?

– Не-е, – протянул Иван, – четверо нас.

– Пошли, – скомандовал пузатый, ничего не объясняя. Он хлопнул парня по плечу: – По жребию тебе выпало идти в армию служить.

– Надолго? – охнул стрелецкий сын.

– На двадцать пять лет.

– Ох, это ж мне уже сорок два года будет. Вон, Никодиму сорок два, так он старый, борода и волосы седые, глаза бесцветные, лицо в морщинах, как в колеях, спина кривая и ходит – на палку опирается... Не хочу так! – мотнул головой парень.

– Да кто тебя спрашивает, дурака?! – поморщился чужак. – Твоя очередь, вот и отравляйся.

– А я сбегу! – воскликнул парень.

– Везде найдём, – пригрозил толстяк, – рекрутский набор не шутки.

Миновало всего пару месяцев, а тщательно выбритый, коротко стриженный Иван, одетый в форму того самого семёновского полка – синий кафтан с красными обшлагами – сидел где-то в Померании, возле

чахлого костерка. Форменный кафтан был ему немного узок в плечах, красные короткие штаны наоборот большие, а чулки постоянно сползали, зато с башмаками ему повезло, они были впору и не тёрли. Эти чёрные кожаные башмаки с широкими каблуками и пряжками для многих солдат были жуткой проблемой. Другие ободрали носы косяными пуговицами на рукавах, пытаясь по привычке вытереть сопли. Больше всего мешала дурацкая треуголка. Она всё время сваливалась в самый неподходящий момент.

Вместе со всем семёновским полком Иван воевал против шведов.

Солдаты грелись у костра, травили байки. Немолодой морщинистый семёновец откашлялся, начал хрипло:

– Я ведь с Петром Лексеичем уже не одну военную компанию прошёл. Я ведь в этом полку с самого начала.

– С какого такого начала? – ехидно переспросил молодой худющий и вертлявый солдатик.

– Да с самого что ни на есть начала, – отозвался первый, – я ведь служить начал, когда ещё семёновского полка-то не было. Воевали тогда ещё стрельцы, а для забав малолетнего царевича придумали сражения для потехи. Собрали нас солдатами, назвали как Петруша и хотел. Поделили на потешные полки. И стали мы сражаться между собой: семёновский потешный полк с преображенским потешным полком.

– По-настоящему сражаться? – ахнул вертлявый.

– Дурья твоя башка! – рассердился старик. – Сказано тебе: потешные полки. Царица Наталья Кирилловна решила сына позабавить, чтоб не скучал. Тогда никто и не думал, что Пётр царём будет. Других наследников хватало. Вот и придумали, чем занять дитя, чтоб не мешался. Чем бы дитяtko ни тешилось, только б не плакало. А Пётр учился командовать, сражения выигрывать.

– И из пушек стреляли?! – ахнул худой.

– Стреляли.

– Это ж страшно.

– Так стреляли то не ядрами, а репой.

Солдат, мрачно горбившийся вдалеке от костра и молчавший всё время разговора, пододвинулся ближе и как-то зло влез в разговор:

– Всё это царской потехи ради! – резко прокаркал он. – Только мы, дурачье солдатское, помираем по-настоящему.

Ему никто не ответил, и немолодой мрачный вояка продолжил:

– Царь захотел взять Нарву, полезли на Нарву. Первый раз не получилось – ушли, потом опять. Захотел Пётр Азов, ринулись воевать за Азов. Отвоевали, потом вернули туркам... – ворчун смачно сплюнул. – А солдаты помирают, помирают. Теперь опять воюем со шведами. Зачем нам нужна эта Померания чёртова, прости господи.

– Начальникам виднее, – примиряюще протянул старый солдат.

– Нет здесь никакого смысла! – вновь сплюнул мрачный.

– На фига тебе смысл знать? – отмахнулся от него Иван. – Воюй да кашу жуй.

– Здесь хорошо, – заговорил о другом старик. – Вот под Полтавой было тяжко. Жара, духота, мухи. Кафтаны не по погоде, сразу стали мешать, а снять нельзя – форма. Степь, нигде от солнца не спрячешься. Тенька нигде нет совсем. Кожу снять хотелось...

– Ну, мы тогда со шведов шкуру и спустили, – повеселил злоющий солдат.

– Я тогда совсем измучился, – продолжал рассказ старик, – в этой жаре да пыли совсем ногу натёр башмаком. Каблуки эти совсем неудобные и чулки сползают. То ли дело была форма раньше у стрельцов. Штаны длинные, никаких чулок не надо.

– Чулки эти вообще дурацкие! – поддакнул мрачный.

– Раньше хорошо было, – благодушно вспоминал старик, – на ногах сапоги, на голове шапка. И тепло в ней ушам и ночью можно под голову сунуть...

– Так ты что, ещё в стрельцах служил? – поразился Иван.

– Не-е, – отозвался солдат, – царь Пётр всех стрельцов перевешал.

– Не всех перевешал, – тихо буркнул Иван, – некоторым головы отрубал.

Сам отрубал, не ленился...

Он хотел ещё что-то добавить, но к костерку подошёл молодой офицер, весь такой же сине-красный, как и солдаты, только с тощей шпажонкой на боку.

– Чего расселись, бездельники? – начал строжиться он.

– А что ж нам делать? – отозвался старый солдат.

– Спать. Быстро! – раскомандовался офицерик. – Скоро в наступление идти. Отдыхать пока. Быстро отдыхать.

– Быстро, так быстро, – устало вздохнул семёновец.

Солдаты послушно завернулись в свои плащи, улеглись прямо на землю и захрапели.

Утром тревожные звуки побудки примчались из густого плотного и белого, как молоко, тумана. Вокруг ничего не было видно, только его холодные клубы.

– Подъём! Построиться! Вперёд, в атаку! – откуда-то сбоку долетал крик офицера. – Пики наперевес. Вперёд, на шведов!

Семёновцы выполняли команды, строились, выставив вперёд пики, шагали в туман. Наступали на неразличимого неприятеля. Со стороны шведов грянул пушечный залп. Стреляли вслепую, но залпы выкосили солдат, шагавших справа и слева в строю рядом с Иваном. Снова раздался залп, впереди из туманной белизны донёсся мерзкий свист. Иван повалился на землю, зажал уши руками, приготовился к неизбежной смерти. У него дыхание перехватило, сейчас ударит страшная сила – и померкнет свет и кончится жизнь. Ядро просвистело над ним, обдало запахом гари и пороха, умчалось в пелену. Оттуда раздался крик,

предсмертный хрип, и всё стихло. Уцелевшие семёновцы по команде поднялись в атаку.

Иван тоже поднялся на ноги, поспешно отряхнул штаны и ринулся в бой.
– Ура-а!

Швед возник из тумана неожиданно близко. Он выскочил из плотной стены тумана, что-то громко кричавший, бестолково размахивавший своей пикой, весь с ног до головы наряженный во всё ярко-синее: кафтан, штаны, чулки. Даже на голове какой-то странный высокий колпак, тоже синего цвета. Иван ударил его в грудь, как учили. У самого лица метнулось страшное железо шведской пики. Семёновец ударил снова. Он вложил в удар все силы. Противник тяжело завалился на Ивана, последним усилием схватил его за рукав, повис, тяжело потянул вниз, захрипел в самое ухо что-то немецкое. На синий кафтан семёновца попала горячая тёмная кровь. Иван оттолкнул убитого, вздохнул с облегчением, а на него уже напал другой швед.

Он зло скалился, дышал чесноком и чем-то ещё мерзким, толкал свою пику грубо, словно оглоблю, кричал ругательства. Семёновец подставил своё оружие, перехватил удар. Два древка скрестились. Противники стали давить – кто кого. У шведа была силища, как у медведя. Он давил, рычал, зыркал злобно. Иван старался не уступать, только проклятые туфли начали скользить по грязи, и он отъезжал против своей воли, пятился, отступал назад. К тому же древко его пики стало предательски трещать и треснуло в самый неподходящий момент. Пика криво прогнулась и сломалась. Не ожидавшие этого упиравшиеся изо всех сил противники потеряли равновесие. Дурацкие башмаки снова заскользили, покатались, и семёновец повалился вперёд, рухнул на колени. Обломок своего древка он так и не выпустил из рук, и теперь тот торчал вверх длинной уродливой щепкой. Швед подался вперёд, сделал резкий выпад, тяжело навис над упавшим. Жуткий обломок оказался у самого его горла, Иван дёрнул вверх, и острая щепка пропорол шею противника. Хлынула кровь – ярко-красная, остро пахнущая совсем как запомнилось тогда в детстве. На войне солдат уже привык к виду крови, но вдруг всё нахлынуло, как в первый раз. Горячая липкая кровь текла по пальцам. Ваня невольно отдёрнул руку, бросил свой опасный обломок. Мёртвый швед повалился в грязь лицом. Иван вскочил на ноги, бросился бежать от хрипевшего и хлюпавшего кошмара. Облако тумана поднялось вверх, предвещая дождь и, рассевшись, открыло поле битвы, усеянное трупами в синих мундирах. Живых шведов больше не было видно. Семёновцы бежали вперёд, не встречая сопротивления.

Внезапно проснулась шведская артиллерия. Не боясь больше попасть по своим, вояки Карла 12 палили, не жалея последних ядер. Но это уже не могло остановить российское наступление. Иван бежал, больше не боясь летевших навстречу ядер. И напрасно. Одно неслось прямо навстречу и упало, врезавшись в песок прямо у его ног.

Успел бы он сделать ещё пару шагов, и ядро оторвало бы солдату голову. Иван бездумно перепрыгнул тёмный шар и побежал к шведскому валу. Пушки огрызались всё реже, и вскоре семёновцы уже праздновали победу. Они захватили в плен толпу шведских артиллеристов, чтобы обменять их дюжину на дюжину захваченных раньше шведами русских солдат.

Победители перебрались через высокий шведский бруствер. Там совсем не было луж и грязи. Сухие былинки степной травы качались на ветру, кланялись, пригибались, словно морские волны.

Серое неласковое небо, затянутое низкими облаками, на удивление держалось, не плевалось дождём. Усталый Иван опустился на траву, не осталось после атаки приятелей, с которыми коротали вчерашний вечер. Поубивали всех. Семёновец сокрушённо провёл рукой по своей стриженной голове.

– Вот оказия, – с досадой воскликнул он, – ещё и треуголку потерял. Вот командир орать будет, мало не покажется. Всё мне припомнит: и оружие сломанное, и форму нарушенную. И за товарищей убитых мне достанется, будто это я ядра кидал...

– Чего разворчался? – услышал он за спиной ставший ещё более глухим и скрипучим, но весёлый голос старого солдата.

– Живой! – ликовал Иван, поворачиваясь на голос.

– Почти, – невесело усмехнулся старик, – почти живой и почти целый.

Его правая рука беспомощно висела, согнутая на чёрной косынке. Всё плечо солдата было замотано тёмными от крови бинтами.

– Я так рад тебя видеть! – искренне признался парень.

– И я рад, – измученно улыбнулся солдат и тяжело не сел, буквально рухнул на землю рядом с Иваном, – видел я тут мрачного, не зря он брови хмурил, войну бранил.

– Убили?

– В ключья разорвало. Не труп, а обрывки. Хоронить будет почти нечего. Если он такой после второго пришествия встанет, святых перепугает. Меня-то только пикой зацепили. Доктор сказал, всё срастётся. А твоя пика где?

– Сломана.

– Так тогда возьми, вон там валяется, – посоветовал бывалый вояка, – всё равно никто не разберёт, где твоё, где другое.

– Я и треуголку потерял.

– Ну, это ещё проще, на каждом шагу валяются.

Иван послушался, встал, поплёлся искать замену своим потерям.

– Стройся! Смирно! – донеслись издалека крики молоденького командира. – Царь сам приехал вас за победу благодарить.

Иван нахлобучил на голову чью-то треуголку, стал поспешно одёргивать свой синий камзол.

Семёновцы выстроились недалеко от захваченной батареи. Строй вышел какой-то жалкий и короткий. Совсем мало уцелело солдат. Многие

еле держались на ногах, были перебинтованы и вообще едва живы. Командир окинул своё воинство тяжёлым взглядом, скомандовал браво:

– Смирно!

Вытянулся и замер подобострастно. Уставом предписывалось стоять ровно и смотреть только вперёд, но Иван скосил глаза, увидел стремительное появление царя Петра. Тот был всё такой же неуместно длинный, как и показалось Ване в детстве. Только теперь его голову украшал чёрный пышный парик и при каждом шаге царь опирался на красивую трость. Если бы не она, гигант потерял бы равновесие и упал. Пётр стал значительно старше, был одет в синий кафтан семёновского полка.

– Орлы! Орлы! – громко повторял он, спеша вдоль строя.

Иван не ощутил ни прежнего страха перед царём, ни гордости за новые подвиги. Он равнодушно смотрел, как радуются другие солдаты. Царская похвала означала звонкую монету. На царскую щедрость можно было купить целую корову, только зачем солдату корова. Оставалось только выпить, и семёновцы спускали все деньги на водку. Пили всю ночь. Это у прежних стрельцов были жёны и хозяйство, а после стрелецкого бунта Пётр зорко следил, чтобы у солдат не было ничего, кроме государевой службы.

В это время резкий порыв ветра сорвал парик с головы Петра, и тот полетел вдале, словно большая чёрная птица. Царь схватился за лысую голову, а парик его приземлился на дуло трофейной пушки. И остался там. Пётр смутился, а солдаты еле сдерживали смех. Пётр пропал также стремительно, как и появился.

– Вольно... – пронеслось над строем, – разойтись...

Семёновцы разбрелись кто куда.

Иван со старым солдатом подались к фуражирам. Они всегда устраивались лучше других. Теперь они раздобыли приличных дров и грелись в спустившейся прохладной ночи возле вполне приличного костерка.

Иван пристроился на связке каких-то деревяшек, протянул озябшие пальцы к огню. Рядышком стояла пара ведер с пивом.

– Это на утро, – пояснил щекастый фуражир, – чтобы солдат в чувства вернуть. Здесь у немцев пива больше чем воды.

Иван по разумному примеру опытного старика сменил деревянные на удобный мягкий мешок с овсом, подсел ближе к костру.

– А связку дай-ка мне, – услышал сзади удивленный солдат. Он обернулся и обалдело разинул рот.

На его неудобную вязанку усаживался сам царь Пётр. Иван много раз слышал рассказы о том, что самодержец любит побыть с простыми людьми и даже сам умеет столярничать, что сам на голландской верфи топором махал, но стрелецкий сын отказывался в такое верить. Чего только люди не придумают.

И вдруг царь здесь – всё не мог придти в себя семёновец. Парик так надевать и не стал, пришёл запросто.

– А ведь ты прав, сидеть на твоих дровах чертовски неудобно, – рассмеялся Пётр, – пересяду-ка я на вон тот бочонок.

С этими словами царь подкатил к себе бочонок с порохом.

– Нельзя! Нельзя на него садиться, огонь очень близко!

Но разве можно такое говорить царю, а кричать тем более?! Семёновец промолчал, но зорко следил за опасным бочонком, буквально глаз не сводил.

Дрова у фуражиров были на удивление сырые и то и дело громко щёлкали, стреляли горячими угольками. Бдительный солдат каждый раз вздрагивал и привставал, готовый решительно бороться с огнём, но всё же пропустил, когда подлый тихий уголёк закатился в траву. Иван спохватился только, когда рыжие быстрые языки пламени запалили сухой степной ковыль, весело побежали к пороховому бочонку. Семёновец вскочил, а костёр снова громко выстрелил огненный уголёк, мелькнул в ночном воздухе и упал на полу царского кафтана. Одежда сразу занялась. Пётр вскочил на ноги, стал хлопать себя по бокам, а рыжие язычки, тем временем принялись лизать бок бочонка.

Иван взвился с места, подхватил ведро и выплеснул на Петра. Потом второе...

Опасное пламя погасло, а с неба посыпались холодные капли долгожданного дождя, смывая с царской лысины остатки пивной пены...

Царь Пётр задолжал Ивану ещё одну жизнь.

Иконописец

Россия, 1705 год.

В пустой иконописной монастырской мастерской было прохладно. Высокие белёные стены гулко отражали каждый звук. Из большого наборного окна лился яркий, жёлтый, весенний солнечный свет. Вихрастый подросток лет двенадцати сидел у длинного пустого стола, на деревянной скамеечке, поджав босые ноги. Перед ним лежала только что подготовленная для росписи тёмная доска будущей иконы. Он зябко поёжился от сырой свежести, шмыгнув носом, пятернёй пригладил непослушные русые волосы.

– Холодно. Уж лучше бы монахи дали мне шерстяную рясу. Мои холщовые штаны и рубашонка совсем истёрлись, да и малы уже. – Ивашка жаловался сам себе на трудное житье. – Хитрый отец Фёдор, забрал меня из деревни учить живописи, лики святые сотворять. А сам позволяет только мёртвые доски грунтовать. Всё твердит, что я не дорос, а как же тут дорастёшь, когда он ничему не учит. Скучно. Почему нельзя писать святых среди наших полей, с травами, цветами? Жаль, что все они должны быть суровые и мудрые. Был бы хоть один легкомысленный святой...

– Ты что творишь, супостат? – громом небесным грянул над ним голос наставника.

Отец Фёдор больно ухватил ученика за ухо.

– Я покажу, как каноны нарушать! Опять доску испортил! И где только краску спёр?!

– Я не спёр, я сам сделал, – жалобно оправдывался парнишка,

– Сам, сам... сам ты ещё ничего не можешь! А я тебе не позволю лазурь переводить!

Ивашка смотрел на грозного монаха широко распахнутыми ясными васильковыми глазами. Тот сам весь был словно сошедший с иконы канонический лик – высокий, худой, с большими чуть выпуклыми тёмными глазами, прямым тонким носом.

Парнишка замечтался, глядя на небесную синеву за окном. Полез под стол, потянул к себе большой, грубо сколоченный ящик, полный кистей, стеков, горшочков, грязных полотняных мешочков. Покопавшись, Ивашка достал с самого дна припрятанную однажды жизнерадостно-голубую краску. Порадовался, что она ещё не высохла. Выбрал кисть потоньше, обмакнул с наслаждением. Сосредоточился, сложил губы в трубочку, положил на доску крохотный мазок... Отодвинулся, полюбовался восторженно. Коснулся доски ещё пару раз, и на него глянул весёлый глазок василька – с ясным чистым лицом, длинными руками, с тонкими красивыми пальцами. Ученик залюбовался им, даже не слышал строгих слов. Так и представлял себе новую, невиданную ещё икону, где спаситель шествует через хлебное поле среди золотых колосьев и яркосиних васильков.

«Хорошо бы ещё научиться писать небеса так, чтоб они были и высоки и полны свежим ветром», – мечтал Ивашка.

– ...Да ты не внимаешь моим словам. Ишь, глазки закатил! Не о том думаешь, отрок! – сердился лик отца Фёдора.

Ивашка счастливо улыбнулся своим мечтам, а строгий наставник устало махнул на него рукой.

– Ну что взять с дурака?!

«А может он блаженный, богом избранный», – задумался монах.

– Можно я пойду, погуляю? – мягко попросил парнишка,

– Ладно, ступай с Богом, – разрешил наставник, – что от тебя, такого, проку.

Ивашка вскочил со скамейки и бросился бежать, чтобы не потерять ни мгновения драгоценной свободы. Он вихрем пронёсся по длинным пустым коридорам, налетел во дворе на седого брата-привратника. Тот даже метлу уронил от неожиданности, Ивашка подхватил её, подал старику и понёсся дальше по дороге в покрытые нежно-зелёными всходами поля...

Как он любил весну! От буйства ярких чистых красок после долгой белоснежной зимы кружилась голова. Парнишка полной грудью вдыхал пьяняще свежий, напоённый дивными запахами и запретными надеждами, весенний ветер. После бесконечных вечеров, когда душный печной жар был единственным спасением от звенящей стужи, весенняя

капель приносила с собой щемяще-сладкую свободу. Одно мешало нахлынувшему счастью – поторопившись, Ивашка выбежал на улицу босиком, не захотел обувать старые, безобразно протёртые лапти. Ему так хотелось быстрее ощутить летнюю босую беззаботность, но ещё не прогретая земля кусала подошвы холодом.

Ивашка замер возле берёзовой рощицы, буквально пожирал глазами неповторимую молодую красу: нежную зелень маленьких листочков, острые иголки травы, нежно-фиолетовый колокольчик-первоцвет. Залюбовался неброским островком кукушкиных слёз.

– Вот она, Божья благодать! – восторженно вздохнул ученик иконописца.
– Вот что нам писать следует!

Парнишка сел на корточки, затаив дыхание, наблюдал полёт первой в этом году бабочки.

– Научиться бы мне так рисовать, чтобы всё жило, дышало, чтоб ветер дул и трепетали крылья бабочек...

Художник совсем позабыл о времени, следя за торжественным движением белых облаков по высокому небосводу.

– Жаль, нет у меня такой лазури...

– Рот закрой, галка залетит! Хватит в небо глазеть, на меня смотри!

Ивашка вздрогнул от неожиданности. Он и не заметил подбежавшего друга Фёдку. Тёзка отца Фёдора был полной его противоположностью. Из нечёсаной шевелюры торчали соломины, он шурил и без того маленькие глазки, морщил нос картошкой, тёр большущей ладонью круглую веснушчатую рожицу.

– Ишь, разметался опять, – весело журил он приятеля.

– А куда мне торопиться? – пожал плечами Ивашка. – Отец Фёдор меня отпустил.

– Будто отец Фёдор главный.

– Для меня главный, он меня учит краски смешивать, мир отображать.

– Эка невидаль – «мир отображать», – передразнил Фёдка, почесав шею, – отображать, отображать, а жить когда?

– Для меня это и есть жизнь.

– Во, загнул! Правду говорят, странный ты какой-то.

Фёдка дотянулся, поскрёб между лопатками.

– А тебе-то чего от меня понадобилось? – обиженно спросил Ивашка.

Он поджал одну ногу, погрел о вторую. Поменял ноги и остался стоять как цапля.

– Тёфу ты, забыл совсем, меня ж специально за тобой послали.

– Зачем это? – удивился, даже испугался ученик иконописца.

– Барин из столицы вернулся. Сам на себя не похож. Штаны короткие, кафтан ещё короче. Лицо совсем босое, зато на голове кудри, кудри, длинные, до самых плеч.

Фёдка прервал свой эмоциональный рассказ, поднял ногу, почесал пятку, и только потом продолжил:

– Платье у барина заграничное, башмаки с пряжками, а на шее белый бант, из кафтана рубаху видать, рукава торчат с оборками, как у девок. Воняет он за версту, будто куст шиповника.

– Шиповник не воняет, – поправил Ивашка.

– Сам пойдёшь – нюхни!

Вестник перемен демонстративно зажал нос, потом задрал рубаху и принялся чесать пузо.

– Да что ты все чухаешься? – возмутился Ивашка. – Давно не мылся?

– В том-то и дело, что мылся. Мамаля меня с утра в бане мылила, мылила. Теперь все тело страсть как зудит. Лучше бы не мылся...

– Может, и лучше, – меланхолично согласился приятель. Он уже отвлёкся и задумался о чём-то своём.

– Эй, вернись, я главного не сказал! – толкнул его Федька. – Барин тебя к себе зовёт.

– Меня?

– Ну, не совсем тебя, он потребовал художника, а откуда у нас художники? Управляющий тогда и вспомнил, что ты у монахов иконы малевать учишься.

– Вот и позвали бы отца Фёдора.

– Он барину без надобности, я так понял, он не иконы писать собрался. Кричал, что у каждого царедворца есть свой художник, чтоб хозяйский дом украшать... Другие, побогаче, выписали себе мастеров из Голландии, да Италии, а наш, видно, решил дешёво отделаться.

– Италия – это где?

– Не знаю, да мне и без надобности, подслушал разговор дворовых. За что купил, за то и продаю. Ты, главное, беги скорей на хозяйский двор. Он дюже лютует, всё велит менять, того и гляди, весь терем разнесёт.

– Пошли вместе, мне одному боязно, – шмыгнул носом Ивашка.

– Не могу, меня в монастырь послали за восковыми свечами. Придётся тебе самому отдуваться.

Парнишки простились весело и припустили в разные стороны. Ученик иконописца всё замедлял шаги. С резвого бега перешел на сонный шаг, а чем ближе подходил к барскому подворью, тем медленней переставлял ноги. У самых ворот он уж вовсе готов был повернуть назад, да углядел в широко распахнутые створки удивительную штуку. Посреди двора стоял новомодный экипаж. Ивашка увлечённо разглядывал большие колеса с тонкими спицами.

– И как они только держат этот короб?! – поражался паренёк.

Он решился подойти ближе, наклонился, заглянул под карету, подивился новым рессорам. Сама кабинка была небольшой, из чёрной кожи, а в каждой дверце блестели прозрачные стекла.

– Экое богатство! – вздохнул Ивашка.

Набрался храбрости, через ступеньку взлетел на высокое крыльцо. В сенях было тихо и совсем не страшно. Ивашка потянул на себя тяжёлую

дверь. Она резко открылась, едва не стукнув его по лбу. Сенная девушка в синем сарафане налетела на паренька, сразу принялась визгливо браниться:

– Где ж тебя черти носят?! Барин уже пять раз о тебе спрашивал.

– Так уж и пять? – усомнился монастырский ученик.

– Поговори мне ещё! – взвизгнула дворовая и с размаху дала Ивашке подзатыльник.

Она гордо забросила за спину длинную косу и подтолкнула юного художника к следующей двери.

– Сама дура, – буркнул обиженный, – размахалась своим худосочным хвостом.

Господская горница пахнула печным жаром. Паренёк потянул носом воздух – берёзовыми дровами топят, не скупятся.

Ивашка потёр одну замёрзшую ногу об другую, в тереме даже доски пола были тёплыми, согревали босые подошвы. Паренёк низко поклонился, поднял глаза на своего приехавшего грозного хозяина. Обтянутые белыми чулками и узкими штанами ноги Василия Васильевича Безобразова казались уморительно худыми при его огромном пузе. Раньше, в длинных боярских шубах, этого не было видно. Барин всегда казался большим и солидным, а теперь, в чужом заморском платье, он вдруг стал похож на жирную птицу. Хозяин стоял, подбоченясь, выпятив грудь вперёд, покрикивая на прислугу:

– Ну, шевелитесь, шевелитесь! Фу, сонное царство. Пётр Алексеевич таких тетьерь терпеть не может, и нас всех приучил к европейским порядкам.

Ученик иконописца продолжал его рассматривать, как заморскую диковину. Он сумел разглядеть, что на самом деле хозяин абсолютно лысый, а кудри до плеч вовсе не его, а шерстяные бараньи, надетые как шапка. Барин следил за тем, как две сенные девушки меняли большую скатерть на столе. Он брезгливо махнул пухлой рукой:

– Не так, всё не так! Деревенщина дремучая! Всему вас учить надо! Что ты всё разглаживаешь? Складки закладывай! Красиво! Все должно быть красиво!

Это слово напомнило ему о художнике:

– Где? – заорал он. – Уж сколько раз говорено – найти, из-под земли достать!

– Так вот же он! – ответила из-за парнишкиной спины визгливая служанка. И подтолкнула Ивашку вперёд.

– Это?!

Парнишка не смог бы описать выражение хозяйского лица, больше всего оно напоминало удивление человека, нечаянно наступившего на кучу гнилых яблок.

– Что это?

– Я... – замялся паренёк.

– На кой ты мне сдался? Мне нужен художник!

– Я и есть художник... будущий.

– Очень мило, – простонал Безобразов, – мне подсунули младенца.

Казалось, хозяин сразу позабыл о юном художнике. Он подошёл к только что накрытому столу, опустился на скамью, подпёр голову кулаком, закурился, словно приготовился петь заунывную русскую песню. Только вместо поэтических образов с его уст слетели горькие жалобы:

– Что ж за жизнь у меня такая?' Другие должности получают, почести, титулы, из самой грязи поднимаются. А я, из старинного рода, о моих предках ещё в бархатной книге писано. Безобразовым есть, чем гордиться...

Хотел он перечислить подвиги своих предков, да не смог припомнить ни одного. Совсем загрустил, остро ощутив, что не один он такой.

– Эх, жизнь, – снова вздохнул он, – всё не так! Даже художника путного нет! А я-то надеялся отличиться!

Ивашке вдруг стало жаль барина. Такой поверженный вид был у человека.

Парнишка решил подойти к нему:

– Вы не смотрите, что я такой маленький. Отец Фёдор уже многому успел меня научить. Вы только скажите, что надо делать, а я уж попробую, вдруг получится.

Василий Васильевич снисходительно посмотрел на говорившего, отвернулся было, но передумал и позвал громко:

– Сидор! Сидор! Где тебя черти носят?!

Слуга не успел даже в горницу войти, только крикнул где-то за дверью, а хозяин уже объяснял, уверенный, что его слышат:

– Пойди в спальню, принеси из дорожного сундука мой несессер.

– Слушаюсь, барин, – отозвался Сидор.

И появился из-за двери уже с хозяйским багажом в руках. Загадочный несессер показался Ивашке похожим на большой кошель с затейливой застёжкой. Тёмно-синий бархат был густо расшит золотыми узорами.

«Дорогая вещь», – отметил про себя будущий художник.

Барин долго копался в бездонных внутренностях несессера, наконец извлёк небольшую, как нательная иконка, картинку.

– Голландская миниатюра, – довольно отметил он, вытирая с неё рукавом пыль. – Гляди, ты сможешь так?

Он протянул миниатюру Ивашке, в руки не дал, да парнишка не взял бы, заморская вещь показалась ему сказочным чудом. У ученика отца Фёдора дыхание перехватило – в маленькой рамочке таился целый яркий, душистый букет, а из цветов выглядывало хорошенькое девичье личико.

– У-у-у! – восторженно протянул парнишка.

– Вижу, что не потянешь, – горько вздохнул Безобразов. – На что я надеялся? Нет у нас таких мастеров, а ты и вовсе малолетка!

– А можно я всё-таки попробую? – Ивашка сам поразился своей смелости.

А помещик только расхохотался:

– Попробуй, чёрт с тобой! Хотя наизнанку вывернись, а так тебе не суметь!

– Лицо, может, и не сумею, – здраво рассудил молодой иконописец, – а цветы у меня всегда как живые выходят! Только красок нет.

– Будут, всё тебе будет! – весело заверил хозяин. – Рассмешил ты меня, может, и ещё потетишь.

Кликнул помещик ключницу, она явилась, старая, носатая, как кора дерева, покрытая глубокими морщинами, с костлявыми узловатыми пальцами. Ни дать ни взять персонаж из сказки. Проскрипела недовольно:

– Ступай за мной, барин велел выделить тебе светлое место в тереме и накормить от пуза.

Ивашка покорно отправился за ней в путешествие по лестницам и каморкам большого терема. Пару раз ключница готова была уже оставить его то в одной каморке, то в другой, но вовремя вспоминала слова Безобразова про большое окно. Наконец она привела его в маленькую, чистую горенку под самой крышей. Она вся была залита жёлтым, солнечным светом.

– Будешь сидеть здесь.

– А... краски? – решил заикнуться ученик иконописца.

– Помню, помню я, – ещё больше сморщилась старуха, – барин говорил, пошлю, пошлю кого-нибудь в монастырь. Да вон, Федьку и отправлю. Жди!

И парнишка остался ждать. Сидел на лавке, мотал ногами, смотрел в окно, скучал, прыгал с одной широкой половицы на другую. Занять себя в пустой горенке было совсем нечем. Ивашка уже успел пересчитать аккуратные брёвнышки, из которых были сложены стены, измерить шагами расстояние от окна до двери, полежать на широкой лавке, прежде чем ключница вернулась с пузатым горшком пшённой каши и большой деревянной ложкой.

– Ешь, не торопись, у тебя полно времени, пока Федька не вернулся.

У голодного Ивашки слюнки потекли – такой аппетитный запах наполнил горницу. Он бережно принял из рук ключницы тяжёлый горшок, опустил на колени, вооружился ложкой. Старая женщина грустно смотрела, как он жадно набросился на нехитрое варево. Вздохнув, она вышла тихонько. А Ивашка торопливо засовывал в рот полные ложки обжигающе горячей каши. Дома ему никогда не доставалось так много. У него было семь старших братьев: как веками было заведено, из большого общего горшка черпают по старшинству, строго соблюдая очерёдность. Младшему вечно доставалась только пара ложек, и он привычно выходил из-за стола полуголодный. Хорошо было Ерощке, самому младшему, его мать кормила грудью. Вот подрастёт, и станет мать подавать на стол два большущих горшка, чтобы прокормить своё семейство. Соседки называют её счастливой за то, что из тринадцати детей девять – живы и здоровы. А Ивашка уж и не помнит свою мать счастливой да весёлой. Вечно хмурая да усталая. Ах, как хотелось ей помочь восьмому сыну...

Парнишка чисто выскреб днище горшка, тщательно облизал ложку, живот буквально раздулся от непривычной сытости. Нетерпеливое желание поскорей взяться за рисование само собой куда-то улетучилось, уступив место ленивой сонливости.

– Вздремну минуточку, – решил Ивашка, удобно растянувшись на лавке.

Ключница трясла его как грушу, сердилась, кричала:

– Проснись, да проснись же ты! Супостат сонный! Лентяй безобразный!

Всё было бесполезно, блаженно улыбаясь, Ивашка крепко спал. Ему снилось что-то приятное, он бормотал и вяло отмахивался от назойливой старухи. Она отстала от него, даже махнула костлявой рукой:

– Бог с ним, пусть ещё поспит!

Но через некоторое время она вернулась с глубокой миской в руках, принялась осторожно лить из неё на голову спящему чистую холодную воду. Даже это парнишку разбудило не сразу. Вода кончилась раньше, чем он открыл глаза.

– Что, уже вставать? – сонно спросил он. – А чего я мокрый?

– Слава тебе Господи! Пробудился голубчик! Я уж стала беспокоиться, как бы ты не помер от такого количества каши!

– А разве её было много?

– Да ты, похоже, опять есть хочешь! – беззубо улыбнулась ключница.

Ивашка радостно закивал.

– А тебе плохо не будет? – обеспокоилась старуха.

– Разве от еды плохо может быть? – удивился вечно голодный паренёк.

– Сам проверь, – буркнула ключница, – у меня ещё каша осталась, будешь?

– Буду! – уверенно подтвердил Ивашка.

Над второй порцией он уже задумался. Стремительно умяв половину каши, Ивашка, к немалому своему удивлению, не захотел доедать остального. Он так и сидел, держа перед собой горшок, когда в горенку опять вошла старая ключница.

– Что, больше не осилишь? – улыбнулась она.

– Бабушка, я попозже, можно?

– Можно, можно, ты не спеши, если хорошо исполнишь, чего барин велел, и он тебя здесь оставит, всегда будешь сыт и доволен.

– Это что ж, я здесь жить буду?

– Пока не нарисуешь, что велено, никуда тебя не пушу, – сурово завершила старуха.

Обрадовавшийся было Ивашка вдруг посерьёзnel и погрустnel.

– Тогда мне надо маманю предупредить, она ж не знает, куда я делся! Будет вечером меня ждать от отца Фёдора.

– Да что ж мы тут, звери какие? Нечто не дадим ребёнку с матерью проститься? Только надолго ли уходишь, сам определяй. Откуда ж нам знать, сколько ты со своими цветами возиться будешь.

– Так я сейчас мигом до дому сбегаю, предупрежу, – воспрял духом Ивашка.

– Беги, беги, Федька ещё не знамо когда явится, его за смертью только посылать!

Внимательный ученик иконописца легко нашёл обратную дорогу в запутанных коридорах большого терема. Он даже порадовался, что уже

вполне освоился в хозяйских хоромах. На крыльце Ивашка нос к носу столкнулся с барином.

– Куда это ты? – напустился на него Безобразов, пока парнишка низко кланялся.

– Дык, ключница отпустила меня сбежать до дому, предупредить, что вы меня здесь оставили.

– Глупости! Некогда уже бегать, ехать надо!

Разгорячённый барин ушел в сени и хлопнул дверью. Ивашка сбежал с крыльца, пристал к долговязому конюху, запрягавшему вороную пару в господскую карету.

– Куда ехать? Что стряслось?

Тот глянул на него свысока, ответил медленно, словно нехотя, растягивая слова:

– Говорить не велено. А тебе какое дело?

– Барин сам сказал...

– Тебя, что ль, с собою берут?

– Берут! – уверенно подтвердил паренёк, сам ещё не веря, правда ли это.

– Так это ты будешь художником?

– Я... наверное.

– Тогда тебе точно с нами ехать до самых царских палат. У барина только что гонец был из Петербурга, велено поторапливаться, вещи собирают. Отобедают и сразу в дорогу.

– Я успею!

Ивашка, ничего толком не понял из объяснений конюха, припустил по деревенской улице к родительскому дому, большому, потемневшему, поставленному ещё дедом, с резными наличниками, такому родному и уютному. Запыхавшийся парнишка влетел в просторную горницу. Быстренько перекрестился на тёмные лики в красном углу, подскочил к матери, хлопотавшей у печи, ткнулся лицом в мягкий живот. Она погладила сына по голове. Он вдруг почувствовал, как горячий комок подкатил к горлу, остановил слова, перехватил дыхание. Слёзы намочили мамин фартук:

– Мама, барин меня увозит, – всхлипнул паренёк, – ему в столице зачем-то художник понадобился.

– Так поезжай, раз надо, – устало вздохнула мать.

– Я не хочу! – совсем разревелся Ивашка.

– Может, там тебе лучше будет.

– Будет... – давился слезами сын.

– Тогда прощай, большой уже ты у меня.

– Мамочка... я...

В дальнем углу, в люльке, захныкал Ерощка, мать мягко отстранила подростка сына, бросилась к младшему, подхватила его на руки, спрятала лицо в светлых кудряшках. Ивашка шмыгал носом, размазывал по щекам слёзы, напускал на себя взрослую серьёзность.

– Ну, я пошёл...

– Погоди, что ж ты так... босиком, забери Петровы новые лапти, они ему всё равно малы.

Ивашка пошарил под лавкой, обулся, поклонился матери.

– Прощайте, отца в поле разыскать не успею... не поминайте лихом.

Парнишка бросился прочь. Обрато к барскому терему он мчался сломя голову. Старался встречным ветром высушить слёзы и прогнать глухую тоску. Удивительная карета, скрипя и покачиваясь, уже выезжала со двора, Ване не у кого было спросить, что теперь делать, и, недолго думая, он подбежал и вскочил на подножку кареты. Хозяин увидел через прозрачное стекло его раскрасневшуюся физиономию, но вопреки своему обыкновению не рассвирепел от невиданной наглости крестьянского сына, а крикнул кучеру, чтобы тот придержал лошадей.

Догадавшись, что дверца сейчас откроется, Ваня спрыгнул на землю, сжался, приготовившись к наказанию. Он даже не сразу понял, что значит жест поманившего его Василия Васильевича.

– Поди сюда, пострел. Хочешь прокатиться в карете?

Парнишка только испуганно глаза выпучил, а барин велел строго:

– Садись сюда.

Он указал пальцем на мягкое сиденье напротив себя. Ваня подчинился приказанию, забрался в карету, робко сел, куда было велено.

– Усаживайся, усаживайся, диваны кожаные, не замараешь. Вот были бы шёлковые, как у Меньшикова, я бы тебя, грязнулю, и близко не подпустил, а с кожаных лакей любую грязь вытрет.

Не особенно поверивший в благодушие Безобразова, Ваня опустил на самый краешек. И когда лошади резко дернули карету, он едва не свалился. Барина развеселила его неуклюжесть:

– Держись руками за край, что ли! – посоветовал он. – Мы помчимся что есть мочи, курьер велел поторапливаться, а то не застанем светлейшего.

– Светлейший – это кто? – решился спросить паренёк.

Он воспользовался советом хозяина, изо всех сил ухватился за край сиденья. Его нещадно болтало из стороны в сторону. На телеге Ваня никогда не ездил так быстро, отец берёт старую лошаде́нку. А Безобразов снял парик, протёр потную абсолютно лысую голову белым платком и привычно развалился на подушках, словно на домашней лежанке. Отвечая паренёку, досадливо морщился.

– Светлейший князь Меньшиков. Чёрт бы его побрал! Царский любимец, выскочил как чёрт из табакерки, из грязи да в князи. Был таким же голодранцем вроде тебя, а теперь, вишь, важная птица. Говорят, богаче самого Петра Алексеича. Как его царь только терпит?! Родовитым боярам бороды порубал, обижает, должностями обходит, его шуточки над Толстым каждая собака знает, а этого засранца уж и придумать не может, чем ещё ублажить.

– Неужели, такой же, как я? – не поверил своим ушам крестьянский сын.

– Ну не крепостной, ну городской. Говорят, пирожками торговал.

– Да разве так бывает?

– У нас теперь всё бывает! Одежда чужая, порядки заморские, слова дурацкие: ассамблея, синод, кунсткамера, камер-коллегия... тьфу! Гадость какая!

От дико звучащих неведомых названий у Вани голова совсем закружилась, она и без того плохо держалась на шее, отчаянно раскачиваясь справа налево, слева направо. Он поймал ритм, спросил ещё:

– А куда... мы сейчас?

– Пока в столицу, а там – куда царь пошлёт, или за ним бешеным, ежели куда сам помчится.

– Нельзя так... про царя! – успел вставить Ивашка.

– Конечно, нельзя, – хохотнул Безобразов, – с приличными людьми нельзя, а ты ж не человек. Какая разница, что при тебе говорят. Ты ничто, грязь земная.

– Зачем же тогда... вы меня... в столицу? – обиделся ученик иконописца.

Барину было плевать на его обиды, он не ему отвечал, так, болтал сам с собой:

– Нужен ты мне, поросёнок! Царь – чудило, велел всем, кто в столице поселится, комнаты в домах украшать картинками. Видишь ли, он такое в Европе видел, всё ему подавай как там. Будешь мне, засранец, картины рисовать, чтоб заморским мазилам не платить.

Ваня хотел сказать, что он только учится, и картины писать сам вряд ли сумеет, но у него пропало желание разговаривать с Безобразовым. А барин высказал всё своё недовольство, да и захрапел, запрокинув голову на подушки. Паренёк старался сидеть тихо, чтобы не разбудить его, смотрел в окно, на проносившиеся мимо поля.

Внезапно карета резко дёрнулась и встала. Безобразов повалился на бок и проснулся.

– А! Что?! Где?

– Я ни при чём! – поспешно воскликнул Ваня.

Барин криво нахлобучил на голову парик, громко кряхтя, полез из кареты, открыл было рот, чтоб на чём свет стоит обругать кучера, да прикусил язык. Увидев прямо перед собой золочёную карету с зеркальными украшениями, Безобразов так и замер. Сразу расхотелось ему обзывать безглазым уродом перегородившего дорогу путешественника. Напротив, он принялся умильно улыбаться и кланяться вышедшему из экипажа:

– Ваша светлость, какая удача вас встретить...

– Не лебези зря! Знаю я твою удачу! – надменно усмехнулся светлейший князь Меньшиков.

Любопытный Ваня высунул голову, посмотреть, кому так кланяется его хозяин. Безобразов не разгибал спины, а царский любимец и без того смотрел на него сверху вниз. Ваня залюбовался статным великаном в светлом камзоле, густо расшитом удивительными узорами с драгоценными камнями, в высоких сапогах.

«Неужели, это он торговал пирожками?!» – подивился парнишка.

А светлейший снисходительно журил Безобразова:

– Что ж ты, Василий Васильевич, сбежал не вовремя? Мы всем двором были на роскошном куртаге, тебя ждали, а теперь Пётр Алексеич вернулся к трудам, теперь и тебе придётся делом заняться.

– Да я всегда готов... – промямлил Безобразов.

Он только рассмешил Меньшикова.

– Знаю, знаю, чем ты заниматься всегда готов! Ленишься и пьянствовать будет некогда! Петербург поднимать – дело не шуточное!

– Я за вами везде. Я... я всё, что скажете, – кланялся помещик.

Меньшиков его и взглядом не удостоил, зато заметил выбравшегося из кареты Ваню. Спросил Безобразова:

– Это что за холопец у тебя там прячется? Первый раз вижу, чтоб ты холопов в своей карете возил!

– Да я... да он...

– Молчи лучше, – рассердился светлейший князь. – Иди сюда, пацан, сам объясни, кто такой.

Ваня весь обмер, ушам своим не поверил. Слыханное ли дело, царский любимец с ним говорит. Робко, мелкими шажками, Ваня решил подойти к великану. Начал с низкого поклона.

– Говори уж быстрее, хватит кланяться! – раздражённо бросил Меньшиков.

Ваня, как мог, объяснил, что сам толком не знает, зачем везут его в столицу. Он ведь только начал учиться иконы писать.

– Живописец, – довольно отметил князь, – только иконы нам теперь без надобности, их и так много. А вот мастеров таких, чтоб могли всё как в жизни изобразить, этих мало. Учиться тебе надо, только не у монахов, а у заморских живописцев.

Меньшиков решительно повернулся к Безобразову:

– Заберу я у тебя холопа, заплачу, сколько скажешь, а мальчишку отправлю в Италию. Я как раз туда снаряжаю корабль, за богемским стеклом и зеркалами. Говорят, красота там немислимая!

Не прошло и месяца, а Ваня уже качался на волнах Балтийского моря. Он страдал от морской болезни, зеленел, мёрз, ёжил на подвешенной к потолку полотняной матросской койке, но ни разу так и не пожалел о своей встрече с Меньшиковым. Засыпая, он мечтал о далёкой сказочной стране, где станут называть его Джованни и обучать удивительному искусству изображать мир таким, каким создал его Бог, – ярким и удивительным!

Горящая Москва

1812 год. После Бородинского сражения.

Маленькой Дуняше было очень странно, от чего вокруг все торопятся, суетятся, путаются, бранятся, переключивают вещи с места на место, вдруг бросают их в сердцах, переживают. Конечно, ей было всего восемь лет. Она была слишком маленького роста для своего возраста, розовощёкой дочкой кухарки, носила длинный красный сарафан, сшитый на вырост, и смотрела на всё большущими наивными голубенькими глазками из-под светло-русой чёлки. Но даже малышка поняла – что-то случилось, и хозяйева спешно собираются уезжать.

Просто спросить она пыталась много раз, но все торопились, отмахивались от неё, как от навязчивой мушки. Девочка оставила бесплодные попытки разобраться, плюхнулась на крохотный хозяйский пуфик, почему-то брошенный посреди зала, подпёрла ладошками голову и пригорюнилась.

«Бог их разберёт, этих странных взрослых», – грустно думала она.

А вокруг бегали заполошные служанки с невесть откуда взявшимися баулами и тюками, свёртками, хозяйскими шубами, лёгкими платьями, шляпками, шкатулками из которых свисали нитки бус... Все округляли глаза, твердили перепугано:

– Войска уходят! Сдали! Сдали Москву! Как они могли?! Боже мой... Боже мой...

«Они просто сошли с ума, – решила малышка, – спятили все одновременно».

Дуня не стала задумываться, как это возможно, и просто отправилась глазеть в окно. Она забралась на широкий мраморный подоконник, поджала ноги, натянула на них сарафан и стала ещё меньше. Малышка прижала свой курносый носик к холодному стеклу. Эта сторона большого дома выходила на улицу, и она сразу увидела, что там тоже все сошли с ума: бегали туда-сюда, кричали, размахивали руками. То ли дело солдаты: шли ровными рядами, не торопились, не шумели.

Дуне всегда нравились солдаты, особенно гусары на конях, молодые, усатые, в ярких мундирах. Когда они въезжали в город, громко играл оркестр, барышни в пёстрых шляпках кидали цветы. Теперь не было ни цветов, ни барышень, ни улыбок. Хмурые недовольные солдаты шли совсем в другую сторону.

– Войска уходят... Уходят... – прошептал мёртвый от ужаса голос за спиной. – Москву отдают французам.

Дуняша совсем не поняла эти странные слова. Москва – огромный родной город. Дуня прожила здесь всю свою маленькую жизнь. Даже когда господа уезжали на лето в загородное имение, её с собой не брали. Девочка ничего никогда не видела, кроме этого каменного дома и этой улицы.

Внезапно Дуняше наскучило сидеть смиренно, всё равно её никто не замечал. Все взрослые были страшно заняты – то ли сборами, то ли переживаниями.

– Пойду во двор, – решила Дуня, – посмотрю что там. Найду дядьку Егорыча, расспрошу его, что это все носятся, как ужаленные, и причём здесь французы.

Дуняша знала только одну француженку. Она учила молодую хозяйку игре на рояле и говорить на своём урчащем языке. Девочке не нравилось ни то, ни другое. И сама мадам Жюль ей не нравилась. Худая, остроносая, она поверкала слова и всё куталась в свою тёмную шаль с кистями.

Первым делом малышка отправилась в девичью. Эту неуютную комнату по традиции называли так, хотя уже давным-давно там сидели и сплетничали только старухи из дворни. Кроме них в девичьей были вещи, много вещей. Комната располагалась на первом этаже и была полна крестьянскими зипунами, шапками и платками. Дуняша быстренько отыскала в ворохе одежды свою коротенькую душегрейку, решительно отбросила тощие косички, повязав на голову большущий материн платок, неохотно оделась. Сентябрь был удивительно тёплым и солнечным. Малышка весело помчалась во двор, не забыв, однако, задрать край своего слишком длинного сарафана и полюбоваться новенькими, ещё не заношенными, не потерявшими золотисто-жёлтенький цвет, лапоточками.

Весь двор перегораживали уже запряжённые хозяйский экипаж и две телеги, заваленные вещами.

– Куда поедете? – спросила девочка у возившегося с лошадьми бородатого Егорыча. – Ведь в деревню ехать глупо, впереди зима.

Обычно такой разговорчивый Егорыч почему-то не ответил. Дуняша обиделась на всех взрослых разом.

«Неужели им трудно просто объяснить ей, что происходит?! – рассержено думала малышка, – подумаешь, переживают они. Что ж они помрут, если скажут ей несколько слов. Ходят, глаза стеклянные, каждый сам в себе, не видят никого. Я же никуда не делась от того, что у них горе».

– Эй, – потянула Егорыча за рукав девочка, – я здесь.

Но он только отмахнулся

– Отстань. Ты ещё маленькая. Всё равно не поймёшь.

– Не пойму – чего? – воскликнула Дуня.

Но взрослый уже забыл о её существовании, погрузился в свои невесёлые мысли, занялся упряжью.

– Нет, – упрячилась девочка, – я найду того, кто со мной поговорит.

Она смело двинулась к распахнутым настежь воротам, но замедлила шаг и остановилась, не решаясь выйти со двора. Узкая улочка, куда выходили ворота, была запружена телегами, на которых лежали и сидели солдаты, замотанные жуткими кровавыми бинтами. Они громко стонали, бранились, молились, отгоняли назойливых мух.

Вокруг крутились вездесущие мальчишки и собаки. В воздухе висел смрад и отчаянье.

– Вот что значит – «войска уходят», – прошептала девочка.

Ей тоже стало очень страшно.

– Никогда не видела столько крови, – в ужасе шептала малышка, – кровь, кровь...

«Война – это смерть и кровь», – вспомнила она хриплым голосом воевавшего старика, – «не дай тебе Бог попасть на войну», – повторял он.

И вот война сама пришла к Дуняше, пришла прямо в Москву. А ведь всегда казалось, что все сражения остались далеко в прошлом, в легендах да сказках, и теперь здесь на самом деле этого быть не может. И вдруг вот она – война, ломает привычную жизнь, грохочет пушками, тяжело пахнет кровью.

– Кровь и смерть, – заворожено повторила девочка.

Со смертью ей, к счастью, не приходилось встречаться, но она почему-то часто пыталась представить, как можно жить без мамы или отца. Сердце всегда сжималось, холодело.

– Все умрут, и я умру, – пугалась малышка.

Дыхание перехватывало, она торопилась подумать о другом. А тут перед самыми глазами громко стонавший раненый затих и руку уронил. Умер...

Малышка отшатнулась, отвернулась, уставилась на другую сторону улицы. Там как раз бежала, торопилась Дунина знакомая девочка.

– Мотя! – закричала Дуня и бросилась между телегами догонять её.

Девчонка была лет на пять старше Дуняши, и малышке очень хотелось задать подруге кучу вопросов. Уж она-то не станет отмалчиваться, как взрослые, Мотя вообще была болтлива. Конечно, на самом деле нарекли её Матрёной, но за неряшливость и бестолковость давно кликали Мотькой. Сейчас она явно очень спешила с каким-то поручением, ничего не видела и не слышала.

– Мотя! – бежала за ней Дуняша, но и ноги у убежавшей были длиннее и сарафан по размеру. Дуня собрала мешавший каждому шагу подол, зажала в кулачке, задрала по колено, припустила за длинноногой.

– Мотя!

Та свернула в незнакомый переулок, ещё, ещё. Дуня спешила за ней. Старшая девочка скрылась из виду. Дуня остановилась, помедлила и побежала за ней. В голове её роились десятки вопросов, которые малышка задаст, как только догонит Матрёну.

– Мотя! Мотя!

Успела только заметить ярко-синий сарафан, мелькнувший возле двери незнакомого дома. Дуня подошла, решила подождать, разумно рассудив:

– Мотька живёт не здесь, значит скоро побежит домой. Она торопилась, значит, вернётся очень скоро. Долго ждать не придётся.

Она отпустила свой подол, отряхнула его, серьёзно уставилась на дверь – скучную, деревянную, обычную. Время шло. Никто не выходил. Девочка нетерпеливо попрыгала на месте, громко вздохнула, опустилась

на корточки, прислонилась спиной к шершавой стене, подождала снова, вскочила, опять села, поднялась на ноги... Поправила платок, не понравилось, совсем стянула его, повертела головой, взмахнула в воздухе своими тощими светлыми косичками. Промозглый ветерок заставил снова повязать платок.

– Всё! Устала ждать.

Разговаривать расхотелось.

Дуняша ещё посмотрела на дверь, махнула рукой и отправилась домой. Правда, где теперь дом и куда идти, она понятия не имела. Малышка никогда раньше не бывала в этом районе Москвы. Кругом высились совсем незнакомые дома. Но девочка решительно двинулась в обратный путь.

– Город – не лес, – рассудила она, – это в лесу все деревья одинаковые, а дома разные – найду дорогу.

Ей показалось, что они пробегали именно здесь, и Дуня отправилась вдоль пустынной улочки.

– Жаль прохожих никого нет, – сокрушалась девочка, – хотя я и как спросить – не знаю. Вряд ли незнакомые люди просто отведут меня домой.

Дуняша хмурилась, тёрла нос. А тут она ещё поняла, что на этой улочке они с Мотькой не были. Маленькая суровая разведчица развернулась и двинулась обратно. Она шагала, пока встреченный дом не показался ей знакомым.

– Я помню этих львов! – воскликнула девочка. – Они такие дурацкие – без зубов, а головы кудрявые, как у овечек.

Она подошла ко львам, такая маленькая рядом с торжественным крыльцом богатого дома, дотянулась только до шара, на который опиралась передняя лапа царя зверей, припомнила, как разговорчивый Егорыч объяснял, что каменных львов на тумбах крыльца устанавливают для солидности, вроде бы как охранников, а эти самые шары под лапой, чтобы громадные кошки не спали, удерживали их, чтоб не укатились.

– Только куда ж мы пошли после этого разговора? – нахмурилась девочка и стала встревожено крутить головой.

Дома вдоль улицы стояли одинаковые, побелённые, будто бы сложенные из белого мрамора, как у древних греков и римлян.

– Вон – вон! – воскликнула малышка, показывая пальцем на стену в дальнем конце улицы. – Я помню, там кто-то гвоздём нацарапал слово.

Дуняша подошла ближе. Читать она не умела. Зачем крепостной уметь читать? Но однажды молодая хозяйка из озорства написала палкой на снегу «Дуня» и сказала девочке, что это её имя. Совсем короткое, и малышка любовалась, любовалась им, пока снегопад не засыпал, да и запомнила.

– Ду-ня. Первая буква похожа на крышу дома.

Подошла, присмотрелась к надписи. Первая буква тоже похожа на крышу дома, потом рогатка, только после незнакомая буква, похожая на флажок...

– «Дура», – вдруг поняла девочка. – Какая гадость! – поморщилась малышка и отвернулась, зато сразу увидела знакомые места, всплеснула

руками и побежала домой, но слишком длинный подол мешался, и она снова собрала его в кулачок.

Бежать было ещё далеко, но Дуняше показалось, что она добралась довольно быстро. К родному каменному особняку девочка подходила немного уставая, но очень довольная.

Скрипучие телеги с ранеными уже уехали, но тревога заползла в сердце. На улице вообще никого не было. Дуняша прибавила шагу. Распахнутые ворота никто не прикрыл. Двор тоже был пуст. Никого...

– Все уехали. Все! Все! Меня забыли! Бросили!

Слезы хлынули из детских глаз. Малышка в отчаянье растирала их по щекам, громко всхлипывала, но пожалеть её было некому. К тому же короткий осенний день сменился серыми тревожными вечерними сумерками. Приближалась тёмная, страшная ночь.

– Я осталась одна! – икала и всхлипывала девочка. – Совсем одна...

Она долго стояла возле ворот, смотрела на опустевший двор, боясь шагнуть внутрь.

– Уехали... – редела она, – бросили, а я даже не знаю, куда мне теперь бежать, где их искать.

Она горько вздохнула и побрела к дому.

На крыльце небрежно брошенная валялась новенькая коробочка из-под модной шляпки. Ветер дёргал и теребил шёлковую ленту. Сумерки стирали яркие краски, погружали мир в однотонную мрачность. Дуня подняла пустую коробку, потянула тяжёлую дверь. Не заперто. Девочка робко вошла. Дом был тёмный и мертвенно тихий. На ступенях широкой центральной лестницы были в спешке брошены вещи. Лёгкий шёлковый шарф, летняя накидка молодой хозяйки. А на верхней ступеньке лежала любимая её кукла. Розовое чудо с фарфоровым личиком, золотистыми кудрями, платтицем в оборках, кружевах и шляпке.

У малышки дух перехватило. Ах, как любила эту куклу молодая хозяйка. Всюду носила её с собой, из рук не выпускала, пока маленькая была, а теперь ей уже пятнадцать, уже на настоящем балу была. Какие теперь куклы? Вот и оставила она свою прекрасную принцессу.

– Получается, – прошептала малышка заворожено, – кукла моя?

Девочка осторожно погладила фарфоровые красивые пальчики, полюбовалась. Бросила коробку, подхватила, прижала к груди розовое чудо и бросилась бежать в комнатку возле кухни, где всегда они жили с мамой. Дуня аккуратно усадила куклу на свой старенький ошестинившийся, с облезающей краской стульчик, полюбовалась ещё и решила привычно поделиться:

– Смотри, мам, какая у меня есть красавица.

Ответом ей была пустая, холодная, мёртвая тишина. Только теперь особенно страшно и безнадежно малышка осознала, что и мама, родная мамочка, всегда бывшая рядом, уехала далеко-далеко, неизвестно куда. Она просто не могла, никак не могла остаться, дожидаться непутёвую

дочку. А может в суете, неразберихе сборов и не заметили, куда делась девочка.

– Мама, мамочка! – разрыдалась Дуняша и повалилась на свою жёсткую кровать.

Она долго поливала горячими слезами свою подушечку, потом устала, свернувшись клубочком и беспокойно заснула.

Утром ещё не открыла глаза, а сердце сжало ледяными пальцами одиночество. Дуня зажмурилась плотнее, не хотела просыпаться, но так было ещё страшней. Она села на кровати, потянула с головы неудобно сбившийся платок. Стала снимать надоевшую душегрейку, взгляд упал на розовую принцессу, малышка улыбнулась, отвлеклась, вроде и не так страшно стало. Только к страху и тоске примешивалось ещё что-то очень неприятное. Мерзкое чувство, нараставшее с каждым вздохом, – был сильный голод.

Обычно дети в такой ситуации просто тянут мамку за юбку и требуют:

– Хочу кушать! Кушать хочу!

Всегда это срабатывало, и от голода следа не оставалось, но Дуня понимала, что осталась совсем одна и помочь ей некому. Она тяжело вздохнула и отправилась на кухню.

Там всё ещё было тепло и чудесно пахло. Девочка поднялась на цыпочки, заглянула в огромный таз, стоявший на столе. Она приподняла прикрывавшее его белое полотенчишко и сунула туда свой носик.

– Ура! – закричала голодная девочка. – Пирожки!

Её восторг стал ещё больше, когда, раскусив первый, она обнаружила, что пирожки были с мясом. Дуняша жадно тягала пирожок за пирожком, торопливо пихала их в рот, жевала, не закрывая рта. Она наедалась, как верблюд, впрок. Только почувствовала, что объелась и больше не может.

– Всё-таки как хорошо... – сыто пробурчала малышка, – хорошо, что тётка Фёкла решила напечь пирожков. Очень вкусные получились они. И мне не нужно ничего готовить. А то ума не приложу, чтобы я делала.

Довольная девочка отправилась обратно к красавице кукле. Сытая и согретая, она и не заметила, что нетопленный дом уже остыл и холодный сырой воздух завладел комнатами. Дуня вскоре озябла и первым делом натянула душегрею. Та и сама стала холодной и неудобной.

Девочка зябко съёжилась, забралась на свою кровать. К ней неторопливо, словно на торжественном параде, подошёл толстый важный рыжий кот Васька, запрыгнул на кровать, принялся громко урчать, поднырнул под руку, чтобы погладили. Он тоже соскучился по людям и теплу. Малышка сгребла такого тёплого пушистого кота, прижала к себе. Он даже не сопротивлялся, как всегда делал раньше, а устроился, прикрыл нос лапой и заурчал ещё громче. Дуняша лежала не шевелилась, наслаждалась призраком прежнего благополучия, да так и задремала.

– Gue c'est?

Кот дёрнулся, вырвался, убежал, задев лицо девочки пушистым хвостом. Малышка села, сонно потёрла глаза.

– Bonjour.

Дуняша с неудовольствием узнала мадам Жюль. Вот уж кого ей совсем не хотелось бы видеть. Уж лучше одной на всём белом свете остаться, чем с этой мадам. До чего же неприятная особа – бледная, щёки ввалились, на голове три волосины, лучше бы платок носила, так нет же, крутит дурацкие кудряшки, баню не любит, а духи у неё мерзкие, сладкие. Она называет их сирень, а Дуне они напоминали клопов на малине. Русский язык французенка коверкала нещадно. Словно нарочно. Ведь уже жила в России дольше, чем малышка на белом свете.

Дуняша французского языка, разумеется, не понимала и сразу скорчила недовольную гримаску. Мадам «Запах клопов» фыркнула, поморщившись брезгливо. Внезапно заявила по-русски:

– Ладно, давай говорить на твоём варварском языке. Откуда тебе, бедняжке, знать язык великих галлов.

Выговор у иностранки был очень неприятный, но слова она выбирала нужные.

– Не смотри удивлённо, – заявила она, – да, я вас прекрасно понимала, но говорить нам не о чем. Госпожа у тебя глупая, как курица, а мадмуазель трёх нот запомнить не может.

– Плохо учили, – обиделась русская девочка.

Мадам опять фыркнула:

– Таких учить – только портить.

Дуняше стало совсем обидно. Как училка заговорила, а раньше так улыбалась хозяйке, подарки принимала.

– Хорошо, что Наполеон пришёл сюда, в Москву. Может, французы и научат чему русских варваров и язычников.

– Мы не язычники, а православные!

– Зовитесь как хотите, но эти ваши молельни в золотых шляпах, никуда не годятся. Бонапарт затем и пришёл в Москву, чтобы победить язычников. Петербург более цивилизованный. Он и так сдастся императору-победителю, а дикая старая столица должна быть разбита.

– Россию вам никогда не победить! – вспомнила девочка гордые слова хозяйки.

– Уже победили, – зло рассмеялась мадам, – наши войска вступают в вашу древнюю дикую столицу. Наш император поселится в вашем кремле.

– Это ненадолго, – убеждённо заявила маленькая патриотка, – мне Егорыч много раз говорил, что наши всех побеждают всегда.

Французенка зло рассмеялась, и смех её жутко не понравился девочке.

– Дурак твой Егорыч, – ехидно сказала училка, – и все вы, русские, дураки, а мы французы – великая нация. Знаешь, кто сказал, – спросила

она снисходительно и сама ответила: – Откуда тебе знать, глупой. Это сказал Вольтер – французский философ, которым вы восхищаетесь.

– Больно нам надо каким-то философом восхищаться, – обиделась малышка.

– Чего ж тогда его гипсовый бюст у твоего господина в кабинете на полке стоит? – опять неприятно рассмеялась мадам.

– Красивый! – нашлась Дуня.

Француженка расхохоталась.

– Это Вольтер-то красивый?! Нашла Аполлона. Да он старый и лысый.

– А тот в кабинете кудрявый, – припомнила девочка.

– Он в парике ходил. Тогда все ходили в париках.

– Когда это?

– В прошлом веке.

– Так он умер? – обрадовалась малышка. – Вот у вас с тех пор никого умного и не было, – выпалила Дуняша и, проскочив под рукой мадам Жюль, бросилась бежать за котом.

Её неприятная собеседница растерялась, не остановила девочку, только крикнула ей вслед:

– Вот погоди, скоро сюда с придут французские солдаты, с ними не удержишь.

– Как – солдаты? – резко остановилась Дуня.

– Да, – подбоченилась мадам, – все русские сбежали из Москвы, и Наполеон приказал в их пустых дворцах воинам размещаться на зимовку, а из ваших церквей мы вообще устроим конюшни, – злилась мадам.

– Как это – русские все ушли из Москвы? – не верила девочка.

– Все! – ликовала француженка. – Даже губернатор. Говорят, он нарочно выпустил всех уголовников из тюрем, и теперь они грабят его любимый город...

Слушать дальше Дуняша не стала. Ох, и надоела ей мадам «Мерзкие духи». Девочке хотелось только поскорее убежать куда-нибудь, куда глаза глядят, главное, как можно дальше от француженки, тем более что из-за угла показался рыжий хитрюга и призывно мяукал, словно манил за собой. Малышка раскинула руки.

– Кис-кис.

Кот сделал было пару шагов к ней, насторожился, развернулся и побежал, нервно дёргая хвостом, к главной лестнице. Дуня поспешила за ним, но на душе малышки было тревожно. Злые слова противной мадам утопили детскую легкомысленную непосредственность. Беспомощной птичкой билось отчаянье.

– Все русские ушли из Москвы! Все-все! Никого в городе не осталось, – перепугано твердила девочка и не могла осознать этих слов. – Никого... Никто не поможет. Взрослых нет. Родные, знакомые, мамочка – все далеко. А сюда скоро придут французы, чужие, противные, как мадам. Они даже языка нашего не понимают, – ужасалась Дуняша, – солдаты

будут здесь спать на наших постелях, и есть здесь, и болтать на своём кудрявом языке, и хватать все.

Маленькая патриотка сердилась и хмурилась. Следом за Васькой она оказалась возле тяжёлой двустворчатой двери, наклонилась поднять кота, но дверь резко распахнулась, и Дуня отпрыгнула. В дом ввалился целый десяток французских солдат. Они громко гоготали, непонятно говорили, топали по паркету грязными сапожищами и воняли сильно, остро, воняли конским потом, порохом и гарью. Дуня зажала нос, на неё стали указывать пальцами и смеяться. А она только беспокойно искала Ваську. Тот шмыгал между солдатских сапог. Один француз наклонился, стал его ловить. Другие оживились, стали давать советы, но Васька перехитрил всех, нырнул между ботфорт, махнул хвостиком – и был таков. А тот, что его ловил, неловко потянулся и растянулся на полу под дружный хохот однополчан.

Пока они гоготали, девочка нырнула под их расставленные руки и выбежала за дверь. Там царил всё та же золотая солнечная осень, но ветер стал гораздо холодней. Дуня плотнее запахла душегрею, поправила платок и отправилась прямо по знакомой улице. Она решила никуда не сворачивать, чтобы не заблудиться.

– Не может быть такого, чтобы в Москве не осталось никого русского, – бурчала малышка, всё ещё продолжая спорить с глупой мадам, – это всё враки.

Дуня была уверена, что француженка солгала, преувеличила, ошиблась, но город неузнаваемо преобразился. Всюду толпились солдаты. Чужие солдаты. Малышка не различала мундиры, но чужая непонятная пугающая речь неслась отовсюду, заполняла воздух, словно злобное жужжание насекомых. Хотелось зажать уши. Малышка прибавила шагу, но старалась не бежать, приглядывалась.

– Откуда столько мусора? – поражалась девочка. – Каких-то обрывков, осколков.

Вскоре она всё поняла, когда подошла к соседскому богатому дому. Здесь ворота тоже были распахнуты, и возле самого крыльца стояла большая крестьянская телега. На ней горой были навалены хозяйские вещи, резная золочёная мебель, изящная фарфоровая посуда, картины в тяжёлых рамах, шкатулки, ткани, одежда. Двое солдат выносили вещи из дома и кидали на телегу. Они что-то громко кричали друг другу, спорили. Девочка поспешила уйти, пока её не заметили. Ветер кружил обрывки бумаг.

– Неужели деньги? – не верила своим глазам девочка, она подхватила одну бумажку. Тут её внимание привлекли ещё двое солдат. Они стояли прямо на дороге, громко кричали друг на друга, размахивали кулаками, при этом оба за разные концы тянули к себе роскошный соболий воротник, оторванный от чьёго-то манти.

Солдаты угрожали друг другу и грозили небесам.

Наконец раздался громкий треск, и кусок меха порвался пополам. Солдаты отшатнулись, растерянно глядя на испорченную вещь. Один сразу принялся орать, трясти обрывком у самого лица второго солдата.

Дуня отвернулась от неприятной сцены, пошла дальше. Француз всё кричал, вдруг смолк, раздался выстрел. Она испуганно обернулась. Тот солдат, что разорвался, лежал на мостовой в жуткой позе. Ключок меха подхватил ветер и бросил ему на лицо. Малышка порадовалась, что не видит его мёртвых глаз. А второй солдат не спеша опустил длинный ствол своего ружья. Дуняша скорей отвернулась, подхватила юбку и бросилась бежать. Ей так хотелось уткнуться лицом в мамин большой передник, спрятаться. Но мамы рядом не было, и даже убежать, схорониться было негде, дома тоже были солдаты. Тогда девочка подумала об ещё одном месте, где ей всегда было тепло и спокойно.

– Церковь. Надо найти церковь, – шептала она.

Девочка крутила головой.

– Церковь? Где-то здесь была небольшая очень уютная церквушка, – припомнила кроха.

Она спешила по знакомой улице и не узнавала её. Солдаты, солдаты, чужие грубые голоса, пушки, ядра, ящики с патронами, стоящие жуткими связками ружья, дома пустые, страшные рыжие костры, солдаты, солдаты. Все были заняты своими делами, малышку, к счастью, никто не замечал. Увидев знакомое крыльцо, девочка поспешила к нему, но замедлила шаги. Опять возле самого крыльца преграждала путь здоровенная телега. Солдаты таскали что-то в больших грязных мешках и бросали на неё. Один мешок порвался, его содержимое посыпалось на камни крыльца.

– Церковная утварь, – ужаснулась девочка.

Потиры, чаши золотые, оклады икон... Завоеватели грабили православную церковь. Дуня принялась креститься:

– Господи прости! Господи прости!

Она готова была броситься, подбирать, отнимать реликвии, но девочка так боялась здоровенных злых солдат. Она могла только схватиться за голову и убежать.

В полном ужасе Дуняша бежала по улице, пока дорогу не перегородила армейская повозка, гружённая тяжёлыми ящиками снарядов. Выбиваясь из сил, повозку тащила жалкая серая, как мышь, тощая заморённая лошаде́нка. Бедное животное напрасно раздувало ноздри и тряслось от натуги. Ребра готовы были проткнуть давно не чищенную шкуру.

– Бедненькая, – пожалела тудягу девочка.

Она потянулась к низко опущенной крупной голове лошади, погладила её жидкую, словно драную, гриву и стала относиться к завоевателям ещё хуже, чем прежде. Малышке нечем было угостить доходягу, она громко вздохнула, глядя на разбитые стоптанные копыта, и проскользнула дальше. Толкавшиеся возле повозки солдаты раскричались, замахали руками, прогоняя её. Малышка старалась убраться с глаз долой, свернула в грязный переулок. До войны там был трактир. Он и теперь работал. Вот уж кому безразличны любые события, так это пьяницам. Точно, как и раньше, в двух шагах от двери была лужа, в луже лежал в

стельку пьяный. Только это был не бородатый мужик, а грязный оборванный солдат. Он спал и громко храпел. Из трактира вышел ещё один пьяный французский вояка и очень медленно, на заплетающихся ногах, тяжело опираясь о стену, двинулся к спящему. Он пытался что-то объяснить, корчился, растопыривал пальцы, грозно мычал.

Малышка отмахнулась от француза и побежала к невзрачной старенькой церквушке, спрятавшейся под толстой кривой березой. Вокруг никого не было.

– Хоть сюда грабители не добрались, – порадовалась девочка. – Правильно, что им здесь брать...

Она опасливо шагнула к толстому белому стволу, погладила его ладошкой, осмотрелась. Всё было тихо, мирно. Дуня решила войти, но помедлила возле высоких резных дверей.

В церквушке было сумрачно-темно, пахло сыростью и покинутостью. Малышка сделала ещё пару шагов, привычно задрала голову, посмотрела на верхний ряд алтарных икон. Они были тёмные, закопчённые сотнями свечей. Такие трудноразличимые лики всегда казались ей особенно таинственными и волшебными. Малышка принялась истово креститься. Сразу стало теплей и спокойней на сердце. Жуткое леденящее одиночество отступило. Она перевела дух. В церкви всегда легче.

Но всё-таки очень не хватало мягкого уютного света и треска свечей. Дуняша опустила глаза ниже и задохнулась от небывалого, немислимого зрелища. Богатые оклады были содраны, красивых золотых подставок, паникадил, никакой утвари не осталось. Ищущий привычной красоты взгляд упал на конские спины и хвосты, навоз и грязь на мозаичном полу.

Малышке хотелось громко закричать, но голоса не было.

– Ой! Мамочки! – прошептала она одними губами. – Что ж это делается.

Малышка на непослушных ногах выбежала из осквернённого храма. По дороге дальше пути не было. Почерневшие от пороха пушки громоздились прямо посреди города, перекрыли дорогу. Рядом были навалены ящики со снарядами, какие-то ядра или гранаты – страшные орудия войны. Прислонённое к пушке торчало обгорелое порванное знамя какого-то полка.

Девочке пришлось возвращаться и снова идти к пьяному трактиру. Там уснувший в луже солдат по-прежнему смиренно лежал на мокрой мостовой, но вот второй пьяница сумел-таки куда-то утащиться. Из приветливо распахнутой двери, как и раньше, раздавались весёлые голоса, даже пьяные неузнаваемо изменившиеся песни и стук стаканов. Малышка хотела побыстрее миновать это неприятное место, да не тут-то было. Ещё один трактирный завсегдатай торжественно преодолел двери и пытался прошествовать вдоль переулка. При этом он широко раскинул руки для балансира, делал шаг вперёд и два неверных шага в сторону. Он раскачивался, как во время бури, хватал воздух растопыренными пальцами и бурчал что-то раздосадовано-злое. А его высокий кивер низко сползал то ему на нос, то на одно ухо, то на другое. Дуняша никак не могла

обойти пьяницу. Его раскачивания и взмахи невозможно было предугадать. Наконец, кивер окончательно свалился с его головы и покатился по мостовой. Солдат остановился, громко выругался, с трудом наклонился и стал ловить свой головной убор, но ветер, словно издеваясь, отталкивал его всякий раз, как пьяница почти дотягивался до кивера. Новое усилие – новые ругательства и устрашающее мычание.

– У-у-у, фы-ы-ы, му-у.

Борец с ветром наклонился в очередной раз, потянулся, потерял равновесие, запнулся и повалился на мостовую. Он вытянулся как пловец, не сводя глаз с кивера, и ветер, продолжая шутить, толкнул, подкатил высокий головной убор прямо к его лицу. Солдат сгрёб упрямый кивер, прижал его к груди и затих с блаженной улыбкой на губах.

Только теперь малышка сумела проскочить мимо солдата. Она спешила, хватала ртом воздух. За спиной опять кто-то пьяно бранился, девочке очень хотелось зажать уши, чтобы больше не слышать этих противных французских слов.

Она торопилась уйти подальше от трактира, выбралась из переулка на знакомую улицу. Повозки со снарядами уже не было. Значит, лошадь-доходяга из последних сил потащила её дальше. Малышка посочувствовала ей, вздохнула горько. Грабившие церковь солдаты тоже убрались со своей громадной телегой, девочка порадовалась, что на её пути к дому осталось поменьше солдат. Она веселее смотрела вперёд, на опустевшую улицу, пока её взгляд не наткнулся на труп, всё ещё валявшийся на мостовой. Ветер трепал кусок тёмного меха, невольно оживляя вид смерти. Дуняша резко отвернулась, стала рассматривать осеннее растерявшее листву корявое дерево за углом дома.

– Как оно приветливо шумело летом, – припомнила малышка, – тогда ещё мамочка была рядом, а никаких французов не было. Как было хорошо. Нет... – нахмурилась девочка, – не может быть, чтобы во всём городе не случилось никого из прежних жителей. Где-то они обязательно остались. Только спрячутся. Вот бы найти.

Маленькая патриотка принялась крутить головой, всматриваться в подворотни, прислушиваться. Ей показалось, что где-то вдалеке послышался скрипучий мужской голос.

– Чтоб вы сдохли, супостаты! – принёс ветерок. – Вот вам ироды...

– Наши! – обрадовалась девочка.

Русские слова принесло очень издалека. Откуда-то из дворов. Дуняше сразу очень захотелось бежать туда со всех ног, она пробралась сквозь частые ветки и бурую листву кустов, упёрлась в чугунные прутья забора. Малышка подошла к ним вплотную, схватилась руками, прижалась лицом. Взрослый, конечно, между ними бы не пробрался, но крошка Дуняша легко могла протиснуться бы между ними. Она уже совсем собралась так и сделать, но сперва настороженно прислушалась. Голосов было много, и только один ругался на родном языке.

– И там французы, – обиделась девочка.

Она разочарованно отпрянула от холодных чугунных узоров.

Но любопытство снова брало верх над осторожностью.

– Интересно, что там происходит? – пробормотала она. – Хоть бы одним глазком взглянуть.

И только она решительно собралась ловко преодолеть затаенную преграду, уже поставила ногу в новеньком лапотке на ту сторону изгороди, как услышала надрывный крик:

– Прощайте, православные!

И грохот оружейного залпа. Всё стихло, голоса солдат звучали лениво.

– Всё...

Дуня отдёргнула ногу.

– Расстреляли.

Малышка в ужасе бросилась бежать от страшного места. Недавняя радость и надежда сделали отчаянье и страх ещё безбрежней. Дуня торопилась вдоль улицы к дому, но впереди на мостовой лежал труп, а дом был полон чужих злых солдат.

– Мамочка! – хотелось кричать и плакать малышке.

Но мама была далеко, страшно далеко. Дуня в последней надежде повторяла слова молитвы, а перед глазами стояли тёмные скорбные лики святых в поруганной церкви. Она бежала, бежала и радовалась, что солдаты разбрелись и больше не попадают ей на пути. Однако вскоре она невольно замедлила шаги и задумалась:

– Куда это подевались солдаты? Понятно, – ответила она сама на свой вопрос, – пограбили, разорили всё. Больше тащить нечего, вот в другое место и подались. Проголодались, отправились кушать.

Живот маленькой москвички жалобно заурчал.

– Ку-у-шать, – протянула Дуня мечтательно и насупилась, даже платок на лоб надвинула, – пирожки-то мои мясные эти супостаты уж давно, небось, изничтожили.

Голод нагнал такую тоску, что даже страх отступил. Больше малышка ни о чём не думала, кроме того, где раздобыть еды, даже вперёд смотрела невнимательно, а напрасно. Шагах в десяти от неё, посреди мостовой собралась толпа французских солдат, они о чём-то горячо спорили, толкались, широко жестикулировали. Увлечённые разговором спорщики не замечали кроху, но она неосмотрительно подходила к ним всё ближе. В руках вояк мелькали длинные стволы ружей. Похоже, и спорили они, какое оружие лучше. Заметив толпу, Дуныша, решила, что она проскользнёт мимо, как мышка, никто её и заметить не успеет. Она особенно торопилась, потому что вспомнила про сундучок, в котором мама прятала от вездесущих мышей сухари, насушенные из остатков сладких хозяйских булочек. Сундучок прятался далеко под Дуниной кроватью, и голодные солдаты точно до него не добрались. Хитрюга втянула голову в плечи, старалась стать ещё меньше и незаметней.

Девочка обходила толпу сбоку, они шумели, спорили, и уже вот-вот удастся их оставить позади. Малышка даже зажмурилась, затаила дыхание. Вдруг холодный металл упёрся ей в лоб. Она замерла в ужасе, открыла глаза. Перед ней стоял молодой черноглазый солдат и целился в лицо девочки из своего страшного, остро пахнувшего порохом ружья. Дуня не представляла, как военные правильно называют этот леденящий длинный ствол, да ей и не нужно было, главное она поняла – эти штуки убивают. Она не сводила огромных перепуганных глаз с солдата, а он положил палец на курок, сложил губы трубочкой ...

– Пуф! – солдат весело рассмеялся над детским испугом, а у москвички ноги подкосились. Она так и присела перед завоевателями, словно в покорном книксене. Французы гоготали за спиной, а отчаянная кроха из последних сил бежала, торопилась домой. Её сердечко бешено билось птичкой в силках, плечи вздрагивали, дыхание сбилось, а по щекам текли слёзы.

Последним усилием малышка поднялась на широкое мраморное крыльцо, потянула тяжёлую дверь. Родной дом пахнул теплом, но навстречу снова спешили солдаты. Дуня невольно сжалась, но вскоре поняла, что она ни при чём. Французы гнались за Васькой. Один служивый извернулся, схватил кота за шкуру, а тот впился преследователю в руку когтями. Солдат завопил дурным голосом и, не долго думая, сунул рыжего драчуна вошедшей девочке. Васька сразу перестал злобно шипеть, втянул когти и даже заурчал. Она прижала такого уютного, пушистого, родного котика к груди. На душе сразу потеплело, слёзы высохли, словно рыжий проказник мог защитить её от всех бед. Солдаты ещё что-то кричали, бранились. Дуняша не слушала, французский язык всё равно для неё был тарабарщиной.

Она торопилась скрыться, спрятаться в своей комнатке. Малышка забежала, закрыла за собой дверь, прижалась к ней спиной, отдышалась.

– Ни за что не пойду больше в город, пока наши не вернутся, – твёрдо решила девочка.

Она вспомнила, что на двери был приделан надёжный крючок, которым они с мамой никогда не пользовались. Теперь он пригодился. Дуняша заперла дверь, только после этого она выдохнула и отпустила кота. Он прыгнул на её кровать и свернулся клубочком. Малышка погладила его мягкую спинку и полезла под кровать, где за старыми валенками скрывался волшебный сундучок.

Старый, потрёпанный, небольшой, он уже давно переключал из хозяйских покоев на кухню, а потом уж под кровать к Дуняше. Она поспешно отодвинула знакомую загогулину на замке, щелчок – крышка поднялась, сразу пахнуло запахом старого дуба и сладкого хлеба. Внутри лежали крупно нарезанные, волшебные прекрасные сухари. Быстро, почти не жуя, страшно голодная девочка проглотила первые два сухаря и только после этого смогла чуть замедлиться, почувствовать вкус.

– Булочки с ванилью, – припомнила малышка.

Название это зацепилось в памяти потому только, что приятный сладкий запах булочек так не похож был на вонь.

Наевшись, Дуняша обвела комнатку довольным взглядом. Та показалась ей очень уютной.

– Как хорошо дома, – прошептала она и улыбнулась, – никогда раньше не замечала, до чего же здесь уютно.

Девочка обвела взглядом крохотную комнатку. Здесь у неё была даже своя собственная кровать. Раньше она, как и все крестьянские дети, спала с мамой, но ведь хозяйка была старше Дуни, и, когда она выросла из своей красивенькой детской кроватки, её вместо того чтобы просто сунуть в чулан, отдали крестьянской малышке вместе с чудесной мягкой перинкой. Так Дуняша оказалась спящей на чудесной кровати с резной высокой спинкой. Тем более, что мамина была узкой и слишком неудобной. Девочка чувствовала себя маленькой принцессой либо королевской наследницей, а теперь у неё была и фарфоровая кукла в кружевном платьице. Дуняша была почти счастлива, вот только была бы мамочка рядом. Малышка размечталась. Медленно с наслаждением откусила ещё один сухарь. Жевала с удовольствием. Посмотрела на оставшиеся в сундучке сухари, убедилась, что их ещё много, закрыла сундучок и погладила рукой крышку:

– Славный...

Так и не переставая улыбаться, маленькая москвичка похвалила солдат, что хорошо протопили кухонную печь, и наслаждалась теплом. Стянула с головы платок, положила его вместе с душегреей на мамину кровать, развязала завязки лаптей, стянула их с ног и зарылась под любимое лоскутное одеяло. Кот, всё время лукаво наблюдавший за ней, снисходительно уступил ей угол одеяла и, потоптавшись, улёгся рядом с девочкой. Малышка устроилась и блаженно заснула.

Утром Вася известил, что пора просыпаться – выбрался из-под одеяла, прыгнул на пол, стал царапать дверь и призывно мяукать.

Дуня протёрла глаза, посмотрела на хмурю серость за окном, пробурчала недовольно:

– Грустное время года осень. Вечером – темно, утром – темно, а днём – дождик.

Васька просился за дверь, там кто-то топал и громко разговаривал.

– Солдаты... – поморщилась девочка.

Она тяжело вздохнула, спустила ноги с кровати. Первым делом малышка схватила сухарь, который вчера оставляла на сохранение фарфоровой кукле. Только поспешно умяв его, Дуняша решила открыть дверь. Кот сразу шмыгнул в коридор, девочка решила выйти за ним следом. Её первым впечатлением был мощный винный запах, ударивший в нос. Сделав пару осторожных шагов, она наткнулась на растянувшегося на лавке возле девичьей спящего мертвецки-пьяного солдата. Одну руку

он подложил под голову, другую свесил до земли, но цепко сжимал в ней недопитую бутылку вина. Под лавкой валялась уйма пустых бутылок.

– Понятно, – поморщилась маленькая москвичка, – французы добрались до хозяйских погребов.

Она пнула бутылку, прошла мимо солдата и вслед за котом отправилась на второй господский этаж. Раньше она бывала там только летом, когда хозяева уезжали из своего городского дома в дальнее имение. Малышке очень нравилось подниматься по широкой мраморной лестнице. Когда Дуняша была совсем маленькой, ступени казались ей такими непреодолимо-высокими, потом ей ещё долго приходилось отдыхать, переводить дух, сидеть на ступеньке, делить трудный подъём пополам.

Теперь девочка подросла и справлялась с лестницей, но посидеть здесь, посмотреть на всё свысока было так приятно. Дуня насмешливо наблюдала за двумя спорившими солдатами. Она не понимала ни слова, но была уверена, что спорили они о рыбалке. Оба француза были изрядно пьяны, еле держались на ногах, но старательно разводили в стороны руки, доказывали, чей улов длиннее. Москвичка хихикнула, побежала дальше. Возле дверей хозяйской спальни стоял красивый с витыми ножками и шёлковой обивкой диванчик. На нём расположились мадам дурной запах и молодой офицерик. Они не сводили друг с друга глаз и ворковали что-то очень французское. Дуняша не стала прислушиваться, всё и так было понятно. Он вешал ей лапшу на уши. Она умилялась. Офицерик был изрядно пьян.

– Фу-фу... – вырвалось у девочки.

– Ничего ты не понимаешь! – возмутилась мадам Жюль и затрясла кудряшками. – Он назвал меня красивой.

– Он просто выпил лишнего, – расхохоталась Дуняша и убежала вниз по лестнице.

Внизу ей преградил дорогу тот рослый страшный солдат, который прошлый раз ловил кота. Теперь здоровяк был жутко пьян и среди опустошённых бутылок ловил чертей. Судя по всему, черти у него были маленькие, шустрые и вертлявые. Француз растопырил руки, хватал воздух, бесился, ругался, рычал как дикий зверь. Дуняша попыталась пройти мимо него, тот разъярился, оттолкнул малышку, коршуном бросился на нового зелёного чёрта. Девочка пушинкой отлетела к стене и осторожно двинулась вдоль неё, старательно перешагивая валявшиеся повсюду бутылки, боясь любым звуком привлечь внимание солдата. А тому, видимо, удалось изловить врага рода человеческого. Солдат смеялся, тряс и душил чёрта, но тот извернулся и вновь ускользнул. Здоровяк с досады ударил кулаком по оконному стеклу, раздался треск и звон, по коридору закружился жёлтый листочек, дунул холодный ветер. Солдат отвлёкся, и москвичке удалось пробежать мимо него.

У следующего окна орудовал другой пьяница. Он всем телом повис на плотных бархатных портьерах. Оборвав их, едва не упал, поймав равновесие, стал заматываться в шторину. При этом солдат был столь

серьёзен, что девочка остановилась понаблюдать, что это он делает. Загадочный солдат обмотался длинной тканью, перекинул угол через плечо и стал торжественный, как памятник. Для пушкого сходства он забрался на ящик, словно на постамент, одной рукой придерживал одеяние, а другую поднял и раскачивал ею, словно успокаивал толпу. Видела Дуняша такие статуи в парке. Эти дядьки девочке всегда казались смешными.

Дуняша поспешила дальше. Ей хотелось попасть на кухню. Может, там ещё осталось что-нибудь вкусненькое.

Теперь на кухне орудовал полковой повар-француз. Первым делом он отыскал огромный чан, в котором прачка, чтобы отбелить, кипятила постельное белье. Отмыл его, взгромоздил на печь и затеял луковый суп. Сегодня тоже солдат ожидал суп. Пока на кухне никого не было, девочка заглянула в чан.

И тут маленькой москвичкой овладело жгучее желание отомстить завоевателям. Она схватила большую деревянную миску с солью и опрокинула всю её в суп.

Нашкодившая девочка опрометью бросилась бежать прочь. Она поспешно залетела в свою безопасную комнатку и захлопнула дверь, опустила щеколду, затаилась, забравшись на кровать, и поджала ноги. Успела подумать:

– Надо было сперва отлить себе супчику в какую-нибудь миску и только потом солить. Я же для того и приходила на кухню, чтобы съесть ещё что-нибудь или хотя бы попить. Но теперь уже туда не сунешься.

Даже сквозь дверь было слышно, как отчаянно завопил француз, вернувшись на кухню и попробовав своё варево. Он просто взвыл и долго-долго перебирал самые злые слова. Малышка только похихикала. Вскоре вопли повара перекрыли другие звуки. Из коридора раздавался какой-то грохот, топот сапог и грубые голоса солдат.

– Они перетаскивают что-то тяжёлое, – догадалась девочка, – интересно что?

Ей ужасно хотелось выглянуть за дверь и посмотреть, но было так страшно. Дуняша еле дождалась, пока всё стихло, и решила приоткрыть щёлочку. Ничего не случилось, коридор был пуст. Малышка решила высунуть голову. Всё было тихо, но как-то темно. Девочка решила выбраться и разобраться. Она поняла, что солдаты задвинули разбитое окно высоким книжным шкафом.

– Неужели они приволокли его из хозяйского кабинета? – подивилась москвичка.

Но книжных шкафов не было нигде больше, кроме кабинета. Дуняша и думать бы об этом не стала, да увидела на полу зверски выдранный листок из книжки со сказками. Малышка видела этот толстенный том однажды летом, когда господа уехали из города. Молодая хозяйка забыла его тогда в детской. У Дуняши дух перехватило – такие яркие, невероятные там были картинки. И вот теперь грубые солдаты порвали волшебную

книжку. Порвали синие облака, замки, королев и принцев. Девочка торопливо подняла порванную страничку, прижала её к груди и пошла искать остальные. Она шла и словно опавшие осенью с деревьев красивые листья подбирала страницы из сказочной книги. Особенно много их лежало на мраморной лестнице. Дуня поднималась, подбирала упавшие страницы и сама не заметила, как добралась до кабинета. Там валялась основная часть тома и роскошный переплёт. Малышка подняла его и решила осмотреться. Её любопытный взгляд долго бродил среди расшвыренных повсюду хозяйских книг. Она наткнулась даже на ещё один раскрытый том с картинками. Девочка потянулась к нему, но вдруг услышала строгий окрик:

– Не тронь! – голос мадам был неожиданно громким и командным. – Разве ты не видишь, что книга на французском?! А впрочем, – рассмеялась она, – какая тебе разница, ведь ты и по-русски читать не умеешь. Как вы вообще читаете на своем дурацком языке?

Кудрявая любительница духов поставила ногу в модной туфле прямо на книгу. Девочка посмотрела на обидчицу. Та сидела на краю большого дубового стола и разглядывала своё отражение в овальное в золочёных узорах хозяйкино небольшое зеркальце на длинной затейливой ручке. Она примеряла совсем новенькую нежно-голубенькую с атласными розочками шляпку молодой хозяйки.

– Это не твоё! – воскликнула девочка. – Эту шляпку хозяин дочке подарил на именины.

– Здесь теперь всё моё! – рассмеялась кудрявая мадам. – Точнее наше. Твои господа проиграли и сбежали.

– Мои хозяева не сбежали! – обиделась маленькая патриотка. – Они ещё вернуться.

– Жди, жди... – зло смеялась мадам, – а пока мы здесь хозяева. Смотри – даже Вольтер над тобой смеётся, – она подняла костлявую свою руку и указала на гипсовый бюст лукавого философа, стоявший на шкафу. Дуня посмотрела на него. Никогда ещё этот носатый старик в парике не казался девочке таким противным, как теперь.

А французенка, развеселившись, продолжала:

– Твой хозяин был заядлым любителем Франции. У него полным-полно французских авторов, да и книг на французском языке...

Малышка не отвечала. Она всё силилась понять, откуда иностранка знает такое трудное слово «полным-полно», а та приняла её молчание за согласие слушать и продолжала болтать:

– Я всё не понимаю ваше словечко «хозяин», почему не «господин»? Правильно делают, что продают вас как скот...

Не дав ей договорить, в кабинет вломился здоровенный французский солдат.

– Бертран! – радостно воскликнула мадам и едва не уронила с головы шляпку.

Она поспешила затянуть под подбородком ленты новенькой шляпки в громадный бант и, кокетливо поправив выбившийся локон, разулыбалась. Дуняше все французские солдаты казались одинаково неприятными, но этот был особенно ужасен. Он был громадного роста, неряшлив, плохо выбрит, скалил жёлтые кривые зубы, растопыривал свои огромные лапищи. Это именно он гонялся и за Васькой, и за зелёными чертями.

Солдат ухмыляясь, принялся принимать перед мадам вальсяжную позу, наклонился к ней, опёрся одной рукой о шкаф.

Изрядно опустевший книжный шкаф качнулся, стоявший на нём тяжёлый бюст закачался и рухнул на голову здоровяку. Носатый словно клюнул соотечественника, повалился на пол и раскололся на куски.

Побитый солдат повалился вниз, уронил голову на грудь, прохрипел что-то и затих, широко растянув свои длинные ноги. Мадам вскрикнула, разволновавшись, прыгнула со стола, бросилась к упавшему, закудаhtала что-то французское, засуетилась.

Москвичка воспользовалась неразберихой, схватила ту книгу, что не давала мадам, – и была такова. Девочка вбежала в свою комнатку очень довольная, ведь ей удалось забрать у проклятых французов обе книжки с яркими картинками. Теперь можно было целыми днями никуда не выходить, грызть сладкие сухари и разглядывать сказочные картинки.

Так она и сделала, очень уж не хотелось снова встретиться с этими грубыми солдатами.

Только однажды ей всё же пришлось вечером, когда уже стемнело и дом затих, снова выбраться на кухню. Уж очень хотелось пить. Света не понадобилось, идти было совсем рядом. Да и девочка отлично ориентировалась в старом доме.

Она торопилась, поспешно схватила большой пузатый кувшин с водой. Даже присела, такой он был тяжёлый, взяла его двумя руками, но поставила обратно. Заметила длинную свечу, сунула её за пазуху, только после этого подхватила кувшин и двинулась в обратный путь. Всё прошло хорошо. Её никто не заметил. А какая чертовщина примерещилась потом французскому повару, ей дела не было.

Маленькая москвичка заперлась в своей комнатке и носа не высовывала. Даже мадам Жюль совсем позабыла о её существовании.

Кроха целыми днями сидела, разглядывала удивительные сказочные картинки с ведьмами, добрыми волшебницами, конями, каретами и драконами. Особенно хороши они были, когда ранняя осенняя тьма накрывала мир своим волшебным плащом, и всё мерцало и золотилось в сиянии свечи. Но однажды утром любопытной девочке стало невмоготу, нестерпимо захотелось узнать, что там творится за дверь. Да и сухари кончились.

Дуняша тихонько открыла дверь, выглянула в коридор. Тихо. Никого. Она выбралась, осмотрелась и, ступая как можно тише, пробралась к выходу. Настойчиво скрёбший когтями дверь Васька, весело задрав пушистый хвост, засеменял по своим кошачьим делам.

Во дворе тоже было тихо и пусто.

Дуня решила пойти туда, где видела Матрёну, ведь она так и не вышла из того дома.

– Не может быть, что во всём городе никого из жителей не осталось, – рассуждала москвичка.

Она старательно вспоминала, где же в тот раз увидела Мотю. Малышка привычно собрала длинный подол сарафана в кулачок и прибавила шаг.

– Так. Дорога была запружена телегами с ранеными. Мы повернули вот здесь, пошли туда. Где-то должно быть нацарапано на стене плохое слово, – припоминала Дуня, – дальше большие беззубые львы...

Малышка порадовалась, что осталось совсем немножко и покажется тот самый дом, куда убежала Мотя. Москвичка была уверена, что там-то и прячутся русские. Ей ужасно хотелось поговорить с кем-нибудь на родном языке, только не с противной мадам.

– До чего же надоели эти французы, – бурчала девочка, – «мы победили... всё наше...», – передразнила она кудрявую мадам.

Дуня вертела головой, искала знакомые места. Углядела приметный кривой дуб, разулыбалась. Вот и заветная дверь. Малышка оправила сарафан, хотела постучать, но дверь подалась, легко отворилась. Растерянная девочка толкнула её и, перекрестившись, решила войти.

За невзрачной низкой дверцей был хозяйственный двор, разбросанные поленья дров, старая метла...

Продолжить осмотр девочка не успела, откуда-то сбоку на неё налетела другая москвичка, сгребла в объятия:

– Дуня!

– Мотя!

Девочки хохотали и обнимались. Восторгу не было конца.

– Ты нашлась! Ты вернулась!

– Да я и не уезжала...

– Так ты уживаешься с французами?! – посерьёзнела старшая.

– Приходится... – поморщилась Дуныша. – Они набились в наш дом и ведут себя как хозяева. Да ещё эта мадам-вонючка. Представляешь, оказалось, она уже давно выучила русский, просто притворялась. А теперь притворяться не перед кем, она и болтает.

– Гадина! – зло прошипела Матрёна. – Я ненавижу французов! Поубивала бы всех!

– А я, – похвасталась малышка, – я им в суп целую миску соли высыпала, пока никто не видел. Весь полк остался без обеда.

– Здорово! – поддержала Мотя. – Только мелкоовато, по-детски.

– Чего ж ты хочешь, – возмутилась малышка, – я же была совсем одна. По-нашему разговаривала только с этой противной училкой.

– Ничего, – похлопала её по плечу подружка, – теперь мы такого натворим. – Внезапно она заговорила о другом: – Может, ты есть хочешь?

– Хочу. Очень! – закивала крохотная москвичка.

– Так пошли. У меня полно вареной репы.

– Сама готовила? – не поверила девочка.

Матрёна повела её в невзрачный сарайчик, где прямо на костре готовила еду. Уплетая горячую сладковатую репу, Дуня и забыла, что кругом война.

– Сто лет не ела горячего, – шамкала она с набитым ртом.

– Никакие не сто лет, – строго возразила Мотя, – французские войска в Москве всего неделю.

– Не может быть! – поразилась маленькая патриотка. – А мне кажется, всё хорошо было страшно давно.

– Чтобы солдаты ушли и снова стало всё хорошо, надо бороться.

– Но как? Их так много, а нас только двое

– Трое, – торжественно объявила Матрёна и указала рукой в темноту.

Оттуда выступил незнакомый мальчишка. На русой голове бесформенный крестьянский картуз, слишком большой – с чужого плеча – зипун и грязные потерявшие свой цвет порты, протёртые до дыр старые лапти. Лет 14-15. Рожа наглая, в зубах сжимает соломинку. Его самоуверенность заражала.

– Это Савва, – сказала Мотя.

Он подсел к костерку и принялся рассуждать:

– Мы маленькие, а здоровенные дядьки-солдаты на нас и внимания не обращают. Нас будто бы и нет совсем, а мы есть, и мы им устроим.

– Что устроим? – наивно спросила кроха.

– Кузькину мать! – сжал кулак пацан. – Со взрослыми они борются, расстреливают. А мы пока... Я тут уже присмотрел кое-что.

– Только надо дождаться пока стемнеет, – подытожила Матрёна, – сейчас мы слишком заметны.

– Верное замечание, – одобрил Савва, – а пока всем спать.

– Но я только что проснулась, – возмутилась Дуняша, – я не смогу заснуть.

– Тогда... тогда... – задумался мальчишка, – тогда ложитесь и болтайте о своём. Главное, чтобы вы потом не засыпали на ходу.

Девочки улеглись рядышком на жёсткой и узкой Мотиной лежанке. Малышка не могла не заметить, насколько была удобней и красивей её родная кроватка.

Дуняше так хотелось рассказать подружке обо всём, что с ней приключилось за последние дни, расспросить Матрёну, задать ей кучу вопросов, но сказались волнения и недоедание, маленькая москвичка больше не была одинока, она наелась горячего, успокоилась и почувствовала, что глаза слипаются. Впервые за эти тревожные дни, кроха уснула так безмятежно и улыбалась во сне. Ей даже приснился сон про лето, зелень и цветы...

– Эй, вставай... вставайте! Пора делом заняться.

Малышка тёрла глаза. Давненько её никто не будил, кроме кота. Голос у пацана был грубый, неприятный.

– Подъём! – скомандовал он. – Перекусите, чего осталось, да идём шустрее.

– Куда идём? – решила спросить малышка.

– Увидишь.

В промозглых вечерних сумерках они втроём долго петляли по незнакомым узким переулкам, пока Савва резко не остановился, указал грязным пальцем:

– Во, конюшня у французов.

– И что? – не поняла Дуня, разглядывая длинное тёмное приземистое здание.

– Большая конюшня полковая, – пояснил мальчишка.

– И что?

– Мы лошадей выпустим, разгоним, – тихонько сказала Мотя, – а конюшню подпалим. Чтобы захватчикам ничего не досталось.

– Надо, – подхватил Савва, – чтобы им было плохо, ужасно плохо в Москве, и они уйдут.

Дуняша всегда любила лошадок, но столько и сразу она никогда не видела. Одной масти, тёмные в сумерках, прекрасные кавалерийские жеребцы с громким ржанием вырывались из стойла, как только кроха и Мотя дотягивались, открывали деревянные дверцы денников. Кони торопились, толкались, девочке пришлось прижаться к перегородке, чтобы не оказаться под копытами. Мощные горячие красавцы неслись мимо, обжигали своей необузданностью. Дуняша решила двигаться, только когда конюшня опустела. А Савва – наоборот, ринулся внутрь с охапкой горящих веток.

Вскоре он выбежал оттуда, схватил девочку за руки и скомандовал хрипло:

– Бегом отсюда!

И потащил их в темноту. За спиной осталось ржание разбежавшихся в разные стороны жеребцов и крики людей. Ребята спешили, не оглядываясь, и решились остановиться, только забравшись в какие-то густые, всё ещё не облетевшие кусты. Беглецы перевели дух, оглянулись. В ночное небо поднимался чёрный дым и злое рыжее сияние пожара.

– Хорошо! – самодовольно заулыбался пацан.

– Вы так уже делали? – испугано спросила малышка у Моти.

– Уже несколько раз, – гордо вздёрнула курносый нос патриотка. – И не мы одни.

– Так вот о чём говорила мадам, что москвичи сами жгут свой город, – сообразила Дуня.

– Да-да, – подтвердила Матрёна, – французы очень не любят и боятся поджигателей. Только чем больше людей они расстреливают, тем чаще горит город. Мы ничего им не оставим.

– Ну что, отдохнули? – прервал её воинственные речи Савва. – До утра ещё далеко, надо навестить ещё одно место.

– Там тоже конюшня?

– Конюшня там есть, но чуть подальше. А мы пойдём к бывшей казарме. Там жили наши солдатики, а теперь завоеватели поселились.

Уже совсем стемнело, но мальчишка быстро находил дорогу между каких-то заборов и сараев. Дуня и не поняла, как они оказались в заброшенном парке среди увядших клумб. Перебежали через несколько аллей, пробрались через кусты, и вот они, казармы, перед самым носом.

Савва полез за пазуху, извлёк оттуда пару огарков толстой свечи и сунул их девочкам, чиркнул огнивом, зажёл свечи.

Терпеливо объяснил Дуняше:

– Видишь, вон там еле живой навес?

Мальчишка сосредоточено насупилась, молча кивнула.

– Пойдёшь к этому навесу, подпалишь сено. Только будь осторожна сама в сено не лезь, не подпали сама себя.

Девочка обиделась: чего он считает меня такой маленькой и глупой, возмутилась она про себя – «подумаешь, ростом не вышла».

Ей всё меньше нравился самоуверенный пацан, а он распорядился и побежал совсем в другую сторону – к казарме, где многие окна на первом этаже были открыты.

– Это любители трубочку покурить пооткрывали, – объяснила Мотя, схватила огромный пук соломы и побежала за Саввой. Кроха только хотела предупредить, что пламя свечи лижет, поджигает солому, как старшие стали хватать эти загоревшиеся клочья, швырять в окна казармы. Там сразу разгорелся пожар, раздался крики, что-то трещало, ломалось. Дуня отвернулась, занялась сеном. Сухая трава вспыхнула сразу. А в следующее мгновение мальчишка уже тянул её за руку, кричал:

– Бежим. Бежим отсюда. Скорей! Скорей!

Дуня торопилась – как могла. Савва грубо тащил её за руку. Матрёна легко поспежала за ними. Поджигатели нырнули в один кривой переулок, в другой. Он видел в темноте, как кошка, легко находил дорогу, а маленькая москвичка уже давно потерялась и запыхалась. Они миновали парк и поспешно забрались на крышу какого-то сарая.

– Здесь отдохнём и поглядим, как там из казармы разбегаются, – решил Савва.

– Люди не лошади, сами не разбегутся, – возразила Дуняша.

Ей просто хотелось спорить с наглецом.

– Смотрите, – зашумела Мотя, – они не просто разбегаются, в окна выскакивают.

– И в самом деле – сами разбегаются, хоть и не лошади.

– Смотрите, смотрите, – веселился Савва, – как хорошо разгорается. Здорово полыхает.

– Не зря мы старались, – поддакнула Мотя.

Казарма пылала в ночи огромным рыжим костром, сыпала яркими искрами, чернила небо столбом плотного дыма. Клубы застилали окрестности.

Домой поджигатели возвращались весёлые. Громко обсуждали впечатления.

– А я...!

– А я...!

– Тише, – призывала к благоразумию Дуняша, – вдруг нас услышат.

– Ерунда! – отмахнулась Матрена. – Солдаты всё равно ни слова нашему не понимают.

– Шуметь не стоит, – поддержал кроху мальчишка, – ночь на дворе, а мы слишком весёлые.

Все разом смолкли, да так в молчании добрались до своего пристанища. Молча развели костёр, сготовили, пожевали и увалились спать. Малышка уснула раньше всех, ещё возле костерка, и старшей москвичке пришлось самой раздевать её и укладывать.

День пролетел так стремительно, словно мгновение...

– Подъём! Быстрее! – оглушительно громко потребовал Савва. – Не тяните время. Сегодня нас ждёт оружейный склад. Там порох, как рванёт.

– Его же охраняют, – серьёзно возразила Матрёна.

– Само собой, – легкомысленно отмахнулся пацан, – только и мы не лыком шиты.

Он азартно подмигнул, и москвички отправились за ним. Долго поплутав по тёмным кривым переулкам, юные поджигатели выбрали к мрачному тщательно запертому зданию. Его плотно закрытые двери, кроме замка, охраняли засов, массивная цепь, чёрный большой навесной замок и солдат с длинным ружьём, обходивший вокруг здания. Окон не было вовсе.

– А как же?

Савва успокаивающе поднял ладонь.

– Спокойно.

Как только солдат скрылся за углом, мальчишка бросился к дверям. Каким-то гнутым гвоздём, поковырявшись совсем немного, он разомкнул чёрный замок, отбросил цепь, убрал засов, сунул гвоздь во второй замок, пошерудил в нём и отпер дверь.

Взломщик с победным видом вернулся к девочкам, взял у Моти огарок свечи, зажгёт её и стал воровато оглядываться.

– Нужно сено или хворост, – деловито объяснил молодой поджигатель.

– Я видела здесь неподалеку связку хвороста, – обрадовалась, что тоже кое-чем может пригодиться, Дуня.

– Тащи сюда, – велел Савва.

Малышка сбегала в подворотню, удивляясь, как остальные не заметили связку прутьев. Она только успела притащить её, как солдат вернулся.

Мальчишка успел придать дверям нетронутый вид, замотал цепь и поправил засов. Москвичи спрятались в ближайших кустах и, затаив дыхание, наблюдали, как охранник прошествовал мимо дверей и ничего не заметил. Даже пламя свечи, которую Савва так и не погасил и, стоя в кустах, держал перед собой, словно на службе в храме. Слава Богу, хоть

огонёк был жалкий, крохотный. Поджигатель спохватился и задул свечу, уже за спиной француза. Как только солдат скрылся за углом, мститель сразу бросился к складу, распахнул двери, схватил хворост, зажгёт свечу. Девочки наблюдали, как он поспешно отыскал ящик с порохом, обложил его хворостом, и поставил свечу так, чтобы огонёк лизал тонкие веточки. Аккуратно прикрыв двери, он скомандовал:

– Бежим!

И мстители помчались в ночь. Вскоре за их спинами раздался оглушительный взрыв. Сразу за ним ещё и ещё. Вдруг стало светло, как днём. Сзади поднялось огромное страшное пламя. Пожар охватил соседние дома, ревел и громыхал.

Юные москвичи торопились убежать как можно дальше. Они остановились только на высоком берегу Москвы-реки.

Савва повалился на сухую траву, выдохнул мечтательно:

– А мы молодцы, такого натворили.

– Это всё ты, – похвалила Матрёна.

– Одному не сподручно, – признался поджигатель. – Все вместе мы справляемся гораздо лучше.

Девочки заулыбались. Они смотрели на реку, на Москву, широко разлёгшуюся по обоим берегам, на крыши домов и круглые головки церквей. Прекрасный родной город поник, погрузился, будто оскорблённый, поруганный, брошенный. Он словно молил об отмщении, просил изгнать наглых чужаков. С высоты юным патриотам были видны разбежавшиеся по старинному городу пожары. Там и здесь огонь пожирал отдельные дома и целые имения.

– Так поджигаем не только мы? – восхитилась кроха.

– Я же тебе говорила. Все хотят, чтобы французы ушли.

– Да, – поддержал Матрёну Савва, – не сладко приходится завоевателям в Москве. Сперва они сами грабили и жгли, как в других захваченных городах, а теперь им деться некуда, слишком горячо. Вот-вот сбегут.

– И наши вернутся, и мама, – мечтательно прошептала Дуня.

– Тише, – сказала старшая. – Савкина семья сбежать не успела, и французы их убили.

– Вот почему он совсем один.

– И он поклялся выгнать солдат из Москвы и пойти в леса воевать вместе с партизанами.

– Герой, – вздохнула девочка.

Она смотрела на Савку, на огни внизу, и сама не заметила, как закрыла глаза. Мотя посмотрела на неё снисходительно, сказала тихонько:

– Дунька ещё совсем маленькая. Выдохлась.

– Завтра пойдём без неё, – решил пацан, – пусть отсыпается.

Дуню разбудили, пошли к себе. Она недовольно тёрла кулачками глаза, но когда ей объявили, что на следующую ночь оставят её отдыхать, даже спорить не стала.

Только когда стемнело и юные поджигатели ушли, и она осталась у костерка одна, кроха взгрустнула. Отчаянно не хватало ей уютно-урчащего мягонького кота, и яркие сказочные картинки очень помогли скоротать время. А теперь ждать было так долго и страшно.

Юные поджигатели шумно ввалились, когда до утра было далеко и темнота ещё не стала прозрачной. Мстители пребывали в отличном настроении, весело обсуждали, как всё прошло:

– Ловко мы сожгли целый склад продуктов, – похвалялся пацан, – голодно теперь придётся французикам. Есть-то теперь нечего.

– У них этот склад точно не единственный! – серьёзно возразила Мотя.

– Найдём другие. Спалим, – заверил Савва. – Никуда им теперь не деться.

– Сами в Москву припёрлись, – сердилась малышка.

– Кто их к нам звал. Сидели бы в своей Франции, – горячо поддержал Савва. – Пускай скорей убираются.

– Проголодаются и уберутся. Вон, как ярко продукты горели. До небес огонь поднялся. А что ж там всё-таки взорвалось? – удивлялась девочка.

– Не знаю, – отмахнулся мальчишка, – но бухнуло на славу.

– Чёрные горелые брюквы ещё долго сверху валились. Я хотела подобрать одну, – сказала Матрёна, – а она такая горячая, только пальцы обожгла.

– Горело – полгорода освещало. Солдаты суетились, пытались тушить, да куда там... Завтра пойдём, запалим на Тверской-Ямской большой дом, который важный генерал занял, – решил Савва, – дом богатый. Я давно уже его присмотрел.

– Я с вами! – воскликнула Дуня. – Здесь сидеть страшно.

– А с нами не страшно! – гордо погладил себя по груди пацан.

– С вами тоже страшно, – призналась малышка, – только так интересно, что и бояться некогда.

– Решено, – попытожил Савва, – идём все вместе.

Следующая ночь выпала на новолуние и была совсем тёмной.

– Даже своих ног не видно, – жаловалась Мотя.

– Это хорошо, – радовался мальчишка, – нас не видно.

Идти пришлось далеко. Дуняша ещё никогда не бывала на Тверской-Ямской, только слышала, как взрослые говорили, что дома там богатые и красивые. Но теперь их разглядеть не удалось. Темно, и огней в окнах нет. Даром, что окна огромные.

Возле высоченных деревянных дверей расположилась пара солдат охраны – широкоплечие, огромного роста с жуткими ружьями в обнимку, но мирно спавшие. Они тихонько посвистывали и посапывали во сне.

– Совсем не страшные, – порадовалась малышка.

– Нам это удачно, – деловито рассуждал Савва, – нам надо пройти мимо них.

– Зачем? – ужаснулась девочка.

– Смотри, – шептал ей в самое ухо мальчишка, – дверь безо всякого замка, просто прикрыта. Зато открытого окошка нет, ни одного, да и они

высоко. Зато мы можем спокойно войти внутрь и устроить пожар прямо там.

– Мы пойдём внутрь? – округлила глаза юная патриотка.

– Конечно.

Мимо здоровяков-охранников они прокрались, затаив дыхание, и немного расслабились только уже внутри богато убранных комнат. Савва извлёк из-за пазухи огарки свечей, чиркнул огнивом, зажгёт, раздал девчонкам.

– Поджигайте шторы.

– А ты?

– Видишь, посреди гостиной французы свалили в кучу хозяйские вещи – всё, что солдатам не подошло: юбки, капоры, кофточки. Я пойду, подпалю эту кучу, может, большой диван подожгу.

Высоких торжественных окон в первой же зале было штук десять. Их закрывали тяжёлые коричневые бархатные портьеры с толстыми золотыми шнурами. Плотная ткань долго не хотела разгораться. Пламя свечи напрасно лизало красивый бархат. Зато потом вспыхнуло невыносимо жарко. Портьеры пылали, пламя мощно загудело. Громко лопнуло стекло.

– Бежим! – крикнул Сава.

И поджигатели помчались – что было сил. Они стремительно проскочили мимо резко проснувшихся, ничего не понимавших солдат. Те напрасно пытались их остановить, не смогли и ринулись внутрь здания, где уже разбушевался пожар. Москвичи проломилась сквозь густые кусты, укрылись за низким каменным основанием забора и наблюдали, как солдаты суетятся – то пытаются тушить, то принимают спасать вещи из огня.

Вернувшись домой очень довольными, москвичи твёрдо решили на следующую ночь вновь отправиться на Тверскую-Ямскую: там дома большущие, богатые, и многие генералы-завоеватели поселились на этой широкой улице.

– Одно удовольствие жечь французов, – самодовольно рассуждал Савка, – заметили, какие они все хилые и шуплые...

– А как же те, что охраняли генерала? – возразила Мотя.

– Больше у них нет таких, – заверил мальчишка, – и вообще они глупые и легкомысленные.

– Как же они тогда наших одолели?

– Всё равно дураки! – обиженно пробурчал юный патриот. – Мы их скоро одолеем.

Так и повалились спать с мечтами о мести.

Новая ночь была снова безлунной и чернющей. Поджигатели шагали между заборами в кромешную тьму. Один Савка понимал, куда идти. Оказавшись на уже знакомой улице, он огляделся. Там, где они были вчера, зияли жуткие руины. Огонь, похоже, перекинулся и на соседний дом. Улица зияла чёрными провалами, как беззубый рот. Зато в дальнем конце роскошный дом сиял большими окнами.

– Нам туда!

– Там есть люди, скоро разъедутся, надо ждать.

И правда, окна всё гасли, экипажи и всадники разъезжались. Стало совсем тихо.

– Пошли, – скомандовал Савва.

Но они не успели даже подобраться к заветному дому, как ему на плечо легла тяжёлая рука.

– Стой, – велел кто-то с жутким акцентом.

– Бегите! – крикнул пацан.

Но Мотю уже схватили железные руки. Дуня дёрнулась, пустилась бежать. Вдруг споткнулась, упала. Проклятый длинный подол сарафана опутал ноги. Её властно подняли, поставили рядом с Саввой.

– Попались, поджигатели! – хрипел акцент, толкая девочку в спину. – Стрелять... поджигал.

Сразу стало особенно темно. Так хотелось вырваться, убежать, исправить, переделать всё по-другому. Внезапно стало так жалко пушистого кота Ваську. Захотелось его обнять.

Мама. Неужели я больше не увижу маму?

Крошка расплакалась. Заливалась слезами и тихонько всхлипывала.

Солдаты вывели юных москвичей из уютной темноты на площадку, ярко освещённую тремя кострами. В этом месте в рыжих хищных отблесках было что-то очень страшное. Вокруг толпились солдаты, на старой выщербленной кирпичной стене корчились их чёрные уродливые тени. Голоса звучали грубо и совсем непонятно. Ясно было только, что завоеватели угрожали. Резко толкая в спину, они пригнали к стене толпу перепуганных, жалко жавшихся друг к другу крестьян в грязных обносках и построили их у стены. Люди смотрели затравленно. Одни молились, крестились быстрыми отчаянными жестами. Другие смотрели с ненавистью, хрипло ругались, проклинали солдат.

– Убийцы! Креста на вас нет!

– Вы все сдохнете в России! – крикнул французам хилый мужичонка.

В это время солдаты выстроились напротив стены, подняли ружья...

Раздался оглушительный залп. Крошка зажала уши, зажмурилась. Она открыла глаза, вокруг всё плыло в сизом душном дыму. У стены больше никого не было. Убитые вповалку лежали на земле. Мёртвые лица были ужасны, глаза закрыты. Только тот, что кричал, уставился на девочку мёртвым неподвижным прозрачно-серым взглядом.

Дуняша очень хотела, но не могла отвернуться.

– Нас тоже расстреляют, – услышала она словно издали голос Саввы.

К ним подошёл высокий французский офицер в чёрной шляпе. Поймавший детей солдат спросил что-то, указав на юных поджигателей. Офицер отмахнулся брезгливым жестом. Солдат потащил москвичей куда-то в темноту, открыл скрипучую дверь, втолкнул их и громко опустил тяжёлый засов.

Поджигатели оказались в полной темноте.

– Где мы? – спросила Мотя совсем тоненько, испуганно.

– Щас, – уверенно отозвался пацан.

Он полез за пазуху, пошарил и извлёк огниво и свечу. Ещё немного – и весёлый огонёк осветил большой деревянной сарай.

– Отлично, – заявил никогда не унывавший Савва, – мы спасены. В таких сараях всегда есть дыра.

– Откуда ты знаешь? – усомнилась Матрёна.

– Хозяева часто оставляют, чтобы воздух двигался и дрова были сухие, – объяснил мальчишка. – Нам осталось только найти её. Смотри, куда тянется пламя свечи.

– Никуда, – обижено ответила девочка.

– Не может быть, – заявил Савва.

Дуня их не слушала. Она так устала, силы её совсем оставили, ноги подогнулись, и она тихо опустилась на утоптанную землю, прижала коленки к груди, обняла их руками и заплакала. Перед её глазами застыл страшный взгляд мертвеца. Хотелось кричать, трясти головой, чтоб он только пропал. Дуняша хныкала и качалась из стороны в сторону. Савва только глянул на неё, бросил презрительно: «Малышка...», взял свечу и пошёл обходить дровник. Тоже уставшая переживать Матрёна так же, как Дуня, опустилась на корточки и безучастно следила за ним. Пацан что-то заметил, остановился, сосредоточенно почесал нос и ринулся разгрести поленья дров в углу. За стенами сарая всё стихло, и Савва старался не шуметь, осторожно перекладывал деревянныешки. Его движения становились всё поспешней, он поставил свечу на пол и налёг обеими руками. Разгребал, пока в самом углу не показалась тёмная щель. Мальчишка убрал ещё несколько рядов дровишек, расширил лаз, даже оторвал доску сарая.

– Пошли, – сердито буркнул он, – хватит реветь. Пора спасаться. Или вам здесь понравилось?

Савва решительно загасил свечу, ринулся в чёрный пролом, девочки встряхнулись, поспешно двинулись за ним.

Свобода пахла свежим, пронизывающим ветром и хрупкой боязливой надеждой, что всё будет хорошо.

– Сегодня надо затаиться, пересидеть пару ночей, – шёпотом рассуждал Савва, – а сюда в центр, к Тверской-Ямской, тем более. Похоже, порядок. Возвращаемся домой и пока носа не высовываем.

Так они и сделали. Только когда всё-таки решились выбраться в город, поджигать было больше нечего.

Старой доброй Москвы больше не существовало. Ветер с востока окреп, гнал пожар. В Кремле что-то взорвалось, жутко бухнуло. Огонь рыжей горячей стеной нёсся по улицам и бульварам. Хищные языки пламени облизывали одинокие дубы и липы, жадно пожирали деревянные дома и церквушки. Над городом висел чёрный дым, гудел в десятки колоколов набат. Со всех сторон с неба лился звон, ставший для красавицы Москвы погребальным.

– Неужели москвичи сами собственными руками уничтожили свой город? – всё причитала Матрёна.

– Ты ж сама этим занималась, – напомнил Савва.

– Я только, чтоб французы ушли.

– Они и уходят. Кто захочет оставаться в таком аду. Я слышал, ихний самый главный уже сбежал.

– Выходит, мы победили?

– Ну да.

Дуняша глубоко вздохнула. Сухой, горячий воздух обжёт грудь.

– Надо французов добивать, – по-взрослому серьёзно рассуждал Савва. – Я пойду из Москвы следом за войсками. Говорят, их наши опять гонят на пустую Смоленскую дорогу. Пойду в леса, вместе с партизанами отомщу этим гадам-французам за родителей.

– Я с тобой, – горячо поддержала Мотя. – А ты, мелкая, ступай к себе домой. Там у вас дома стоят далеко один от другого. Огонь туда не дошёл. Ступай.

Её подтолкнули в спину. Малышка побежала домой, но её всё не оставляла мысль:

– Всё. Это всё. Я, наверное, больше не увижу ни Мотю, ни Савву, а мы даже не обнялись. Обидно.

Ведь малышка не видела, как старшие перекрестили её вслед.

До дому она добралась удивительно быстро. Здесь не было пожаров, воздух не пах гарью, и ветерок был даже свеж. Дуня едва на крыльцо поднялась, в распахнутую настежь дверь, распушив хвост, выбежал кот.

– Вася! – обрадовалась девочка, потянулась к нему, но тот на руки не дался, испугался шума с улицы. Дуня тоже обернулась на шум. Во двор протискивалась неуклюжая телега Егорыча, с неё прыгнула и, раскинув руки, бросилась к малышке женщина.

– Мама!

Кроха повисла на её шее. Как же Дуняша была счастлива!

Разбитое стекло

Санкт-Петербург. 1917 год.

Серый осенний день заглядывал в пыльные окна, лил свой унылый свет на большие пустые комнаты. Анастасия ёжилась, сжимала ладонями худые плечи, пыталась согреться. Топить было нечем. Весь город словно проглотило мерзкое голодное чудовище революций. Они катились смертельным колесом одна за другой, губя порядок, мир, прежние планы, мечты и саму жизнь.

Ветер завывал как-то особенно заунывно. Горько вздохнув, девушка остановилась у окна, долго скорбно смотрела через него на голые чёрные ветви-плети старой ивы, на косые строчки дождя.

Насте ещё не исполнилось восемнадцать. Была она тоненькой и скорбной, как эта липа, и длинное чёрное строгое платье только усиливало сходство, оттеняло болезненную бледность. Плотные сжатые губы подчёркивали бездонное отчаянье в её больших тёмно-серых глазах. Тяжёлые волосы длинной толстой косой лежали на спине.

За окном шумел митингами, палил и взрывал «слом старых времён». А она осталась одна, совсем одна. Нигде, нигде на всём белом свете не осталось у неё ни одной живой души. Кто не умер раньше, тех унесли новые голодные времена.

Мёртвая тишина подступала со спины, обнимала холодом, шептала на ухо:

– Всё кончилось. Жизнь кончилась, ждать нечего. Смерть. Смерть.

Чёрная ветка костлявым пальцем заскрипела по стеклу, повторила:

– Сме-ерть. В будущем – ничего, ничего нет!

Безнадёга сжала стальными клещами...

Из оцепенения её вырвал резкий звук. В дверь не стучали – долбили кулаком. Грубо, по-хозяйски. Анастасия пошла открывать. Перед непрошеным гостем она гордо выпрямилась, задрала подбородок. «Помирать, так с музыкой».

Она даже улыбнулась.

На пороге стоял громадный матрос в тёмной куртке из грубой кожи. Грудь перекрещена пулемётными лентами, в правой лапаше чёрный наган. Рожа тупая, самодовольная. И грубый, неприятный голос, под стать роже.

– Кто хозяин?

– Я.

– Мужика зови, с ним говорить буду.

– Со мной говори.

Грубиян озадачено почесал грязным пальцем плохо бритую щеку.

– А где главный?

– Я главный! – заносчиво заявила хрупкая девушка.

Матрос совсем растерялся, забыл, зачем пришёл, громко откашлялся, некрасиво высморкался в пятерню. Вытер свой мясистый нос тыльной стороной ладони, приосанился, одёрнул кожанку.

Напрягся весь и выдал старательно заученное слово:

– Экспроприация!

Девушка, видимо, должна была впечатлиться и ужаснуться страшного слова, а она и в лице не изменилась, и не зарыдала горестно, только выгнула соболиную бровь.

– Мы – экспроприаторы! – рявкнул матрос.

– Вы? – она смерила «экспроприатора» презрительным взглядом, брезгливо поморщила свой точёный носик.

– Ну, – здоровяк невольно огляделся, – ну, я один экспро-при-атор, – торжественно произнёс он.

– Ну и? – снова не впечатлилась хрупкая девушка.

– Я пришёл экспроприировать мебель! – угрожающе повисил голос матрос.

- Её нет.
- Кого?
- Мебели.
- Куда дели? – заревел хозяин новой жизни.
- Сожгла, – откликнулась девушка вполне беспечно, – зимой холодно

было.

Матрос засомневался, заглянул ей за спину, увидел абсолютно пустую комнату, тупо уточнил:

– Ты всё сожгла сама?

– Нет, – пожалла худыми плечиками Анастасия, – кое-что продала соседям, они сожгли.

– А деньги где?

– Продукты купила. Кушать, – подчеркнула тупость вопроса девушка.

Матрос заглянул в комнату, увидел длинные ряды книг, поразился:

– А чё ими не топили?

– Нельзя.

– Почему? – гаркнул хозяин жизни.

– Отец запретил.

– Почему?

Анастасия устало вздохнула. Как объяснить этому мужлану, что книги – это богатство. Мудрость веков. Он-то читать не умеет и вряд ли научится.

Матрос ждал ответа, поправлял дулом чёрного нагана свою бескозырку.

– Книгами топить глупо, – нашлась девушка, – сгорают быстро, тепла дают мало.

– А... – расплылся в улыбке матрос, – вот почему мы так мёрзли с ребятами. Всю ночь торчали в этой вашей академии, книги жгли, жгли, не могли согреться, а надо было мебель на дрова пустить.

– Академическую библиотеку сожгли, – простионала девушка.

– Ага, – радовался революционер, – всё пожгли.

– Убирайтесь! – отчаянно велела хрупкая девушка вооружённому здоровяку и даже в грудь толкнула. – Здесь брать нечего!

Он ошарашено заморгал, попятился. Привыкший считаться только с грубой силой, он решил, что незнакомка так себя ведёт, потому что её защищает кто-то очень сильный. Анастасия захлопнула перед его носом дверь. Отступила на шаг. У неё подогнулись колени, и она без сил опустилась на пол, оперлась спиной о стену, измученно улыбнулась:

– Смелость города берет...

Тонкие пальцы предательски похолодели, выдали её жуткий страх. Анастасия поднесла руки к губам, стала дуть, согреть дыханием. Безнадёжность обступила со всех сторон, обняла, стиснула мертвенным холодом. Девушка тяжело поднялась, медленно подошла к окну, прислонилась лбом к стеклу, прошептала:

– Боже мой... Есть нечего, топить нечем, я осталась совсем одна. Что же теперь делать?

Ответа не было. За окном бежали, кричали, размахивали руками какие-то люди. Девушка отвлеклась, наблюдая за ними. Раздались звуки выстрелов, в толпе показались люди с винтовками и потрёпанными драными, похожими на тряпки, красными флагами. Митинговавшие бежали, шумели, стреляли.

Вдруг одна шальная пуля, противно взвизгнув, метнулась к окну, пробила стекло и свалилась на пол совсем рядом с девушкой. По стеклу паутинкой разбежались трещины, в середине узора осталась круглая дырка. В неё сразу ворвался холодный осенний ветер, растрепал Анастасии волосы. Первая мысль пришла из прежней спокойной жизни. Девушка вспомнила, как раньше, если что-то случалось в доме, они всегда звали бородатого дворника Степана, и он басил убедительно:

– Не извольте беспокоиться, барышня. Починим... сделаем всё в лучшем виде. Вставлю новое – и вся недолга.

Анастасия улыбнулась давним воспоминаниям и снова погрузилась.

– Где он теперь, Степан? Снял фартук, отправился революцию делать, – грустно прошептала она, – жив ли ещё?

Реальность властно напомнила о себе новым порывом холодного ветра.

– Срочно нужно заткнуть дырку, – решительно трянула девушка головой, прогоняя воспоминания, обвела свою пустую осиротевшую квартиру тревожным взглядом.

– Только чем заткнуть?

Прямо на полу, возле стопки книг, валялась давно позабытая плотная тканевая праздничная салфетка с вычурными вензелями. Девушка подошла, подобрала её, свернула в тугую жгут, вернулась и сунула его в круглую дырку, поправила, примяла. Дуть перестало.

– Получилось, – порадовалась находчивая девушка, но расслабиться и отдохнуть ей не удалось. В дверь начали барабанить.

Анастасия сосредоточилась, собралась с силами, набрала в грудь побольше воздуха, гордо выпрямилась, спросила решительно:

– Кто?

Из-за двери послышался грубый голос недавнего матроса:

– Открывай. Свои.

Хрупкая девушка приготовилась к новому бою.

– Я никого не жду, – громко ответила Анастасия.

– А нас не надо ждать, мы сами приходим, – хохотнули за дверью, – открывай, а то дверь сломаю, – пригрозил матрос.

Пришлось поскорей открыть, такие люди не шутили. На пороге кроме уже знакомого здоровяка стояли трое крестьянок, в красных платках и старой заношенной одежке, когда-то давно бывшей тёплой и зимней.

– Вот! – осклабился новый хозяин жизни. – Хватит тебе одной жить в трёх комнатах. Уплотняйся. Наш реввоенсовет постановил, что им надо помочь, пока их мужья в войсках агитируют, чтобы отказывались подчиняться офицерам, бросали всю эту импе... импе... буржуйскую войну, – выкрутился матрос, – и возвращались домой. Поэтому они будут жить здесь.

– Все три?

– Не бойсь, Груша пойдёт со мной!

Матрос дёрнул за руку одну женщину. И нагло подмигнул Анастасии:

– Кончилось твоё одиночество, барышня.

Его грубые слова отозвались теплом в сердце девушки. Она слишком устала от одиночества. С кем угодно, только бы не одной.

Анастасия не стала спорить, просто кивнула.

Матрос поправил ремень, приосанился, улыбнулся самодовольно:

– Тебе, барышня, повезло, я покладистый, разрешаю тебе самой себе комнату выбрать.

– Я уже выбрала, – совсем тихо отозвалась девушка.

– Ту, где печь? – подсказал незванный гость.

– Печь всё равно холодная, но там моя кровать.

– Ладно, разбирайтесь, – распорядился хозяин жизни, – а я пошёл.

Вид у тёток был измученный: лица худые, морщинистые не по годам, кожа землистая, серая. Даже красные платки не добавляли красок их безрадостному облику. Бесцветные злые глаза делали их похожими друг на друга. Добавляли сходства и одинаково истёртые потерявшие свой первоначальный цвет короткие душегрейки, и ставшие под стать им грязно-коричневые юбки. Их нижние края так износились и обремкались, что висели лохмотьями. Обувь ужасала.

«Нищета страшная», – невольно посочувствовала девушка.

Ввалившиеся щёки и гнилые чёрные зубы завершали портреты крайней бедности. Мрачные гости отличались только тем, что одна из них без конца поправляла свой платок.

Едва он скрылся за дверью, новые соседки Анастасии разбежались по комнатам, но убедившись, что там абсолютно пусто вернулись к юной хозяйке квартиры, уселись рядом с ней на железной кровати.

– Что ж, давайте знакомиться, – предложила девушка.

– Марфа, – просто представилась одна.

«Библейское имя», – подумала уплотнённая, но благоразумно решила промолчать.

– Фёкла я, – сказала вторая и по-пролетарски подала руку.

– Анастасия, – вежливо представилась девушка.

– Из богатеньких? – сощурилась Фёкла и поправила платок.

– Вы видели мои богатства.

– Припрятала, небось, – не верила женщина.

– Нечего мне прятать. Я школьная учительница – с детками малыми занималась. Пока отец был жив, в университете училась, а без него мне работать пришлось.

– И работала сама?! Зарабатывала сама?! Себя кормила? – снова поправила платок женщина. – Кто ж у тебя отец был?

– Учитель. Тоже школьный учитель. Русскую грамматику преподавал.

По непонятной для Анастасии причине, обе женщины отстранились от неё.

– Грамотная, – сквозь зубы зло прошипела Фёкла.
– Да, конечно, – наивно подтвердила девушка.
– Книжки читаешь, потом поучаешь всех. Угнетаешь рабочий класс!
– Да чем же угнетаю? – растерялась девушка. – Вон, анархисты, когда нашу школу подожгли, кричали, что мы угнетатели. Они двери подпёрли. Даже детей не выпускали. Когда уже сильно разгорелось, они ушли, и мы смогли выбраться через чёрный ход. Сперва стали деток спасать, многие учителя обгорели, – взволнованно рассказывала девушка.

Новые соседки слушали её без сочувствия.

– А учителя физики мы нашли во дворе мёртвого.

– Так ему и надо, – заявила Фёкла.

И женщина с библейским именем её поддержала:

– Не нужна эта физика простым людям.

– Анархисты гонялись за стариком и кричали: «Бей его, я его знаю!» – ужасалась учительница.

Наговорить об убитом новых гадостей хозяйки красных платков не успели, снова раздался оглушительный стук во входную дверь.

Фёкла пошла открывать с видом полноправной хозяйки. В квартиру ввалились матросы, тащившие с собой пару железных кроватей с одеялами и подушками. Явно экспроприированные ещё у кого-то. Принесли они и какие-то вещи, утащили в комнаты подселённых, а главное – они принесли дров. Приходивший прошлый раз здоровяк объяснил их неожиданную щедрость:

– Пока мужья отправились агитировать в войска, мы с товарищами постановили позаботиться об их жёнах. Щас растоплю печь, будете греться.

Пусть обращался он только к тёткам в красных платках, измученная холодом девушка испытала чувство благодарности.

В хорошей красивой в голубых изразцах печи пламя занялось быстро. Вожделенное тепло поплыло вокруг. Анастасия прижала промёрзшие ладони к жаркой печке и замерла, совершенно счастливая. Прекрасное тепло разлилось по телу.

Горькая реальность грубо напомнила о себе. Непрошенные гости резко оттолкнули хрупкую девушку.

– Погрелась. Хватит! – проскрипела Фекла.

– Хватит того, что комнату с печкой себе отхватила. А мне досталось побитое стекло! – подхватила вторая.

– Ваши же и разбили! – возмутилась учительница.

– А может, ваши, – ехидно сморщилась пролетарка.

– Мои не стреляют, – сверкнула глазами девушка.

– Это ещё неизвестно, – зашипела Фёкла и торопливо поправила платок.

После этой перепалки больше с хозяйкой квартиры не общались и разговаривали только между собой. Девушка снова осталась одна, но весёлый огонь в печке и приличная кучка дров так славно утешали её. Вот только голод подступил ещё ближе и ещё страшнее скручивал всё внутри.

Уже третий день есть было нечего. Хлеба в городе не было, а на рынок Анастасия даже не совалась.

Когда за дверью её комнаты раздался шум, девушка даже не выглянула посмотреть. Происходившее в квартире больше её не касалось.

– Эй, училка, – раздался из-за двери скрипучий голос Фёклы, – подь сюды.

Анастасии не хотелось, но она вышла и застыла от удивления. У порога снова стоял матрос, да не один. Второй поднял перед собой большой стол из тёмного дуба.

– Заноси, – скомандовал ему старый знакомый.

Тот с кряхтением добрался до кухни, грохнул об пол толстыми дубовыми ножками и потопал прочь, а приведший пролётарских жён матрос, словно волшебник, достал из большой тряпки большой чугунок с варёной картошкой и круглую булку серого хлеба. И сам с удовольствием разрезал её на три части.

– Вот, – радостно разувался он, – добыл, принёс. Мне товарищи поручили о вас позаботиться. Я и стараюсь. Натё, ешьте. Только делите на всех поровну, революции бедные все пригодятся.

– Она была богатой, – ревниво ткнула пальцем в Анастасию Марфа.

– А теперь тоже бедная, – хохотнул матрос.

Анастасии хотелось плакать, она не подавала виду, держалась браво, высоко подняла гордую голову, но голод был сильнее её. Девушка не могла отвести взгляд от великолепного роскошного благоухающего сытым счастьем куска хлеба. Он был такой близкий и такой реальный. Анастасия невольно сглотнула голодную слюну. Больше она ничего не видела, не слышала, не понимала.

Ясное сознание вернулось, только когда она уже сидела на своей кровати и доедала последние крошки. А на коленях ещё лежали целых четыре круглых картофелины в своих тёмных мундирах.

Невероятно, но уничтожившие всю радость её прежней жизни революционеры в новое страшное существование сами приносили новое нехитрое счастье. Девушка откусила картофелину, замерла, даже глаза закрыла, растягивая удовольствие.

В доме стало совсем тихо. Его сытые жительницы спали. Печка дарила им тепло и сладкие сны.

Бешеный грохот разбудил их, едва окон коснулось неласковое осеннее солнце. Марфа открыла входную дверь, и грубый матрос буквально ввалился в комнату Анастасии. Она резко села на кровати, стыдливо натянула одеяло.

– Брось, – махнул рукой матрос, – не нужна ты мне, курица тощая. Я люблю, чтобы было за что подержаться. А от тебя в этой старой рубашонке тоска берёт.

Девушка беспомощно расправляла оборочку на плече.

– Ты скажи лучше. Ты ведь из бывших, значит, читать умеешь

– Я детей читать учила.

– Ага, – матрос удовлетворённо кивнул, – читай.

Новый хозяин жизни сунул Анастасии мятый листок прокламации, потребовал:

– Читай. А то грамотей-агитатор читает, несёт всякую чушь. Не верю я ему.

Девушка взяла листок, начала читать плохо пропечатанные буквы.

«ТОВАРИЩИ...»

– Да нет, ты дальше читай. Не может там такое быть написано. Чего тот мужик поначитал.

Анастасия пробежала текст глазами, стала объяснять.

– Здесь про то, что зима петроградцам предстоит тяжёлая, голодная, – тяжело вздохнула Анастасия, – здесь просят затянуть пояса ради революции и сохранять боевой дух. Крестьяне не хотят кормить мятежный город, не привозят муку. Хлеб печь не из чего...

– Погоди, погоди, – прервал её матрос, – а про Ленина, про Ленина тут что пишут?

Девушка нахмурилась, перечла ещё раз.

– Нет здесь ничего про Ленина. Ни словечка нет.

– Я так и знал! – сорвал с головы бескозырку, хлопнул её об пол матрос. – Зря этот хмырь разорялся, что товарищ Ленин нам не товарищ, что он немецкий шпион. Что вся наша революция оплачена немцами! Что всё это от того, что российские войска на фронтах побеждают...

– Про это всё здесь не пишут.

– Значит, агитатор врёт, – рубанул воздух ладонью новый хозяин жизни, – врёт! Все врут!

– Читали бы сами, никто бы вас не мог обмануть, – тихо сказала хрупкая девушка.

– Не умею я. Сильно мудрёно.

– Ничего мудрёного, – возразила учительница, – даже дети могут читать.

– Так им хорошо, – воскликнул детина обиженно, – их в школах учат.

– Читать все могут. Всему можно научиться.

– И даже я? – вдруг спросил матрос.

– Да, конечно, – доброжелательно откликнулась девушка.

– А вот ты меня и научи! – потребовал революционер.

– Я?! – растерялась Анастасия.

– Марфа говорила, ты же училка...

– Да.

– Вот и учи.

Девушка задумалась на мгновение.

– А я хлеб приносить буду, – пообещал матрос.

Этот аргумент окончательно разгромил все возражения.

– Только тогда заниматься надо со старанием, – педагогическим тоном напомнила Анастасия.

Матрос снял бескозырку, пригладил свои коротко стриженные волосы, заулыбался:

– Что ж я не понимаю, чай не пацан малолетний. Сам захотел учиться, что ж теперь отлынивать. Буду стараться. Вот давай прям теперича и начнём твои буквы складывать.

– Они не мои, – строго поправила учительница, – буквы для всех.

– Народные, – обрадовался революционер, – выходит, чтение – правильная наука.

– Правильная, только прежде чем заниматься этой правильной наукой...

Анастасия выбралась из кровати, завернулась своим стареньким одеялом, как рыцарским плащом и сказала:

– Для начала нам следует познакомиться. Я – Анастасия Николаевна.

– А я Петя, – весело подхватил ученик, – Пётр Петрович, – солидно поправил ремень он.

– Пётр – камень, – прошептала девушка, глянула на своего нового ученика и добавила: – Бульжник.

– Ага, – закивал головой Петр, – бульжник – оружие пролетариата.

– Поэтому вы всю мостовую на Невском разворотили?

– Мы не всю. Мы только немножко, – оправдывался революционер.

Анастасия достала из большой стопки из-под других книг затёртую детскими рученьками азбуку, показала бульжнику.

– Она же для самых маленьких, – возмутился здоровяк.

– А ты знаешь пока меньше самых маленьких.

Она подошла к подоконнику, положила книгу, раскрыла и стала показывать пальцем:

– Повторй пока за мной, – мягко велела учительница.

Стульев не было, и они стояли, склонившись над книгой, у окна.

– Это буква А – самая первая буква, – негромко объясняла Анастасия.

– А – как крыша у домика... – бубнил матрос и вдруг выкрикнул. – Нет. Не так, – топоча сапогами, выбежал из комнаты.

Анастасия его внезапный порыв не поняла, но решила, что Пётр скоро вернётся, стала поспешно натягивать своё единственное платье.

– Позорище, – бранила она себя, – при ученике кутаться в одеяло.

Девушка одёрнула длинную юбку, обулась, привела волосы в порядок и даже успела застелить кровать, прежде чем жуткий грохот возвестил о возвращении любознательного матроса. Он протопал на кухню к столу, погромел там и, снова без стука ввалившись в комнату девушки, скомандовал:

– Пошли.

Возле стола валялась пара ящиков из-под снарядов.

– Вот, – объявил матрос, – теперь можно заниматься. Я видел на картинке: в школе должен быть стол и стулья. А у нас вместо стульев будут ящики.

Анастасия поплелась следом за своим учеником. Он радостно плюхнулся на ящик возле стола, хлопнул ладонью по гладкой дубовой крышке и объявил:

– Всё. Теперь я готов учиться.

Анастасия положила перед ним азбуку, склонилась над столом, терпеливо стала объяснять:

– Вот эти буквочки гласные. Их петь можно голосом а-а... у-у-у... о-о-о... их совсем немного, а остальные буквочки б, п, л, м... они согласные, петь только вместе с гласными. Они и называются согласными. Так и получаются ла-ла-ла, или мо, или ре...

Пётр слушал её с такой серьёзностью, словно она рассказывала что-то секретное и таинственное.

– И что, это даже дети знают? – не верил здоровяк.

– Конечно, – улыбнулась учительница, – это же просто.

– Может, тебе и просто, – наморщил лоб, стал скрести затылок матрос, – а вот мне проще с любым штормом совладать, чем с этими твоими буквами.

– Просто повторяй.

Петр старательно складывал губы:

– Бы, пы, ны, но, ну, фу...

Анастасия водила тонким пальцем по строчкам, подсказывала

– Ле, ля, ме, мя, ня, ня-ня...

Матрос повторил хрипло.

– Смотри, – порадовалась девушка, – ты уже целое слово сам прочитал. А вот ещё: мама, дядя.

– Ма-ма, – в полном восторге повторил новый хозяин жизни.

Он вытер со лба пот, выступивший как от тяжёлой работы.

– Ух, лучше б я дрова колол. Трудное это дело – читать, буквы складывать. Устал я. Завтра дальше учить будешь.

– Да, трудных слов ещё много, – согласилась учительница, – только ты обязательно приходи, не бросай хорошее дело.

– Приду обязательно, приду, – горячо заверил матрос.

И он сдержал обещание, пришёл и хлеба принёс. Одну круглую буханку поделил пополам между жёнами агитаторов, а вторую целиком отдал учительнице. Взгляды исподлобья Фёклы и Марфы выразили всю ненависть этих женщин ко всем, кто живёт лучше их. Пётр сразу поспешил в свою школу. Понизил голос, объяснил:

– Я нашим не говорил, что хожу учиться, а то засмеют и того хуже – побьют.

Он поспешно открыл азбуку, стал тыкать своим грязным пальцем:

– Я эти буквы на всех заборах и тумбах с афишами узнаю. Смотрел нашу листовку и заметил там больше букв, которые петь нельзя, а ещё много таких палок с точками и совсем гнутых крючков.

Анастасия принялась объяснять про восклицательный и вопросительный знаки, про точку и многоточие. Пётр кивал, запоминал, потом принялся доказывать, что вчерашний урок он отлично усвоил и всё помнит.

– Ма-ма, – прочёл он торжественно, узнав это слово.

Так дни покатались за днями, полные буквочек и значков. Но одно слово остановило матроса, как стена:

– Почему ко-ро-ва, я всегда говорю карова?

– Просто есть определённые правила... – попыталась объяснить учительница.

– Революция! – радостно завопил хозяин жизни. – К чертям все правила. Пусть каждый пишет, как хочет.

– Но тогда люди перестанут понимать друг друга.

– Ну, подумаешь, карова или корова.

– Есть слова, в которых каждая буква важна.

– К чертям такие слова, – разошёлся матрос.

– Тебе же не хочется, чтобы тебя называли не Петя, а как кому заблагорассудится. Путя, Патя, Паия, – придумала, как ему объяснить необходимость правил, девушка.

Революционер крякнул, почесал мясистый нос и согласился:

– Ладно, пусть будут правила.

Ему часто хотелось поспорить. Так они и занимались. Матрос старательно пыхтел, возмущённо фыркал, но пробирался сквозь дебри книжной премудрости. Он уже справлялся с простенькими предложениями про Ваню и Катю, но решительно отодвинул от себя азбуку и заявил:

– Надоело мне слоги складывать. Хочу читать книги!

– У меня дома и нет ничего подходящего, – растерялась Анастасия, – все детские книжки в школе были, – горько вздохнула она, вспомнив пожар.

– Не-е, – возмутился матрос, – я не хочу детские. Я хочу читать взрослые книги. – Вон те, – ткнул он пальцем в сторону набитой толстыми книгами комнаты Анастасии.

– Они трудные. Ты многое не поймёшь...

– Ты мне объяснишь.

– И какую книгу выбрать изволите? – надменно выпрямилась хрупкая девушка.

– А есть такая, чтоб и про революционера, и про того, кто за старые порядки держится?

– Есть, – задумалась учительница.

– Большая? – горячо спросил Пётр.

– Не слишком.

– Там спорить будут?

– Много, – кивнула девушка.

– Дай. Как называется?

– «Отцы и дети», Тургенев написал.

Заполучив томик Тургенева, матрос отправился восвояси.

На следующий день Анастасия ждала его появления с бесчисленными вопросами, но в обычное время матрос не появился. Учительница хотела посмотреть в окно, но в её комнате оно выходило на другую сторону, а остальные комнаты ей больше не принадлежали и были закрыты.

Осталось только окошко на кухне. В квартире стояла тишина, обе соседки куда-то делись. Девушка подошла к окну и отпрыгнула. Прямо рядом с голым чёрным стволом липы теснилась толпа, злая, орущая, страшно напомнившая девушке недавние события.

– Те самые, что подожгли школу! – ужаснулась Анастасия.

И красные платки тоже стояли в толпе. Большой булыжник ударил в стекло. Раздался звон, и оно разлетелось на сотни острых осколков. Промозглый ветер рванул платье, швырнул внутрь косой дождь и резкие звуки. Девушке послышался голос её знакомого матроса. Учительница успела обрадоваться, но анархисты были настроены очень враждебно.

– Это он ходит к училке, наш хлеб таскает? – закричали в толпе.

– Марфа, Фёкла! – оправдывался матрос. – Я же и вам приношу.

– Ей больше, – визжали тётки. – Бей его! Он грамотный! Вишь, с книжкой шастает.

– Ты что, читать умеешь?! – поразились в толпе.

– Умею! – гордо заявил Пётр.

– Бей его. Он грамотный.

– Не наш.

– Бей, бей его, – загалдела толпа.

– Убей

– Смерть. Смерть.

Бестолково захлопали выстрелы. Анастасия обмерла от страха. Бравый матрос покачнулся, схватился за грудь, завалился в сторону. Толпа шумела, ликовала. Совсем, как тогда у школы. Анастасия близко увидела перекошенные злобой лица и пальцы, тычущие в её сторону... Она резко развернулась и бросилась бежать. Ворвавшись в свою комнату, девушка подхватила пальтишко и подбежала к окну, дёрнула створку, старое дерево скрипело, не поддавалось. Анастасия дёрнула изо всех сил, посыпались облупившаяся краска и куски замазки. Окно открылось, в лицо дунул ветер. Девушка вскочила на подоконник и спрыгнула прямо на землю, благо этаж был первый. А за спиной уже приближались злые голоса:

– Держи училку. Я её знаю!

Перепуганная девушка, зажав в руке своё старенькое пальтишко, что было сил убегала от родного дома. В глазах было темно, в ушах мощно шумело, пульс бухал набатом, во рту пересохло. Она бежала, бежала, не зная куда. Анархисты уже отстали. Навалилась усталость, воздуха не хватало, холод обнял, стиснул тело. Анастасия остановилась, стала натягивать пальто. В рукаве что-то мешало. Анастасия вытянула оттуда свою белую тоненькую, как кружево, пуховую шаль, красивую, словно мираж из прошлой жизни. Повязала её на голову, надела пальтишко. Сразу стала согреться.

Девушка огляделась. Где же она оказалась? Вдали снова слышалась стрельба. Но места вокруг были давно знакомые, родные. Ноги сами принесли её туда, где она была счастлива.

– Мой старый университет, – улыбнулась девушка, – как далеко теперь всё, что было здесь. Словно и не со мною.

Она подошла к элегантно-академическому зданию, окинула грустным взглядом торжественные колонны, ступени. Строгий классицизм, красота и гармония неожиданно наполнили сердце нестерпимой тоской по утерянной разрушенной прежней жизни, где была учёба, лекции, профессора, мечты, планы... А теперь – девушка безнадежно махнула рукой.

Ещё недавно ничего не было кроме родного дома, теперь у неё и жилья нет. Некуда возвращаться...

Анастасия без сил опустилась прямо на ступеньку, сгорбилась, спрятала лицо в ладонки и горько разрыдалась. Слезы лились рекой, не принося облегчения.

На плечо бывшей студентке сочувственно легла рука. Девушка подняла мокрое лицо.

– Илья Георгиевич?!

Любимый профессор был как всегда элегантен. Стильное длинное пальто, шляпа. Серые волосы молодо зачёсаны, борода аккуратно подстрижена. Ещё далеко не старый профессор гордился, что ранняя седина придаёт ему солидности.

Анастасия была особенно рада встретить именно его. Отец как-то сказал, что этот человек сыграет важную роль в её судьбе, и настоял, чтобы юный филолог Анастасия посещала его лекции по физике.

– Зачем? – возмущалась занятая студентка.

– Только послушай, на каком роскошном русском языке он говорит о своей физике, – советовал отец.

И он был прав. Девушка послушала и даже заинтересовалась точной наукой. Так она и стала вольнослушательницей. Подчас бывала на чудных лекциях чаще некоторых студентов-физиков. Профессор не мог её не заметить. Как-то подошёл, стал расспрашивать:

– Собираетесь преподавать физику?

– Нет, русский язык, – заинтриговала своим ответом студентка.

Так они и стали общаться.

Илья Георгиевич спросил сочувственно:

– Что случилось?

Девушка принялась сбивчиво перечислять свои несчастья. Профессор задумался, помолчал, потом предложил:

– Вам надо срочно уехать.

– Куда? Как? – всхлипнула девушка.

– Туда, где нет революции.

– Везде революция.

– Уехать за границу, далеко.

– Мне некуда ехать. Оставить Родину?! Как можно? – возмутилась Анастасия. – Да и ехать мне некуда.

– Вот что, – решительно поправил шляпу профессор. – Сейчас американцы под шумок сманивают к себе наших ученых. Меня тоже пригласили. Есть у меня одна занятная разработка. Я думаю согласиться. Вернусь, когда в России кончится это безумие и начнут снова ценить образованных людей.

Он солидно огладил свою бородку, рассуждал задумчиво:

– Так, так, так, вам в России оставаться нельзя...

– Негде и не с кем, – согласилась девушка.

Ветер высушил её слёзы, а в глубокомысленных рассуждениях профессора она уловила луч надежды.

– Здесь, в Петрограде, объявился один пузатый янки. Он суетится, сманивает с собой толковых людей, профессуру. Нас у него уже шестеро. Клянется без проблем переправить нас через океан, обещает райские кущи. Дай Бог, не обманет, – перекрестился физик и спросил студентку:

– Хотите быть седьмой?

– Но я занималась русской грамматикой, – растерялась девушка, – зачем я американцам?

– Соврём что-нибудь, – подмигнул профессор, – тому мужику хватит и пары длинных формул, чтобы поверить во что угодно.

– После ваших лекций и больше помню, – заверила девушка.

– Решено, – весело потёр руки седовласый, – прощайте, анархисты, террористы, белые и красные. Едем в новый свет.

Шло время, убежавшие из Петрограда-Петербурга устраивались, приспособлялись к чужому континенту, а по оставленной ими стране страшными волнами катились революции и перевороты, гражданская война, террор и репрессии, одна нагоняли другую мировые войны, но теперь это было слишком далеко от американского благополучия.

Профессор долго объяснялся с сослуживцами на международном языке цифр и формул, а его студентка очень легко одолела немудрёный американский английский. Анастасия открыла школу для бесчисленных прибывающих в США эмигрантов. Помогала им освоиться, растолковывала путаные американские законы и правила. А русских ребятишек она учила читать. Но никогда больше не страдала Анастасия от одиночества, голода и холода.

Мучила её только неизбежная ностальгия.

Руслана ЛЯШЕВА
(Москва)

И вечное обаяние юности

...И свобода
Вас примет радостно у входа.
Александр Пушкин

На крутых виражах истории

Все, читавшие роман «Бесы» Ф.М.Достоевского, на всю оставшуюся жизнь запоминают Алексея Кириллова. Ещё бы! Яркий цветок в букете личностей пореформенной России середины XIX века. Он перед самоубийством растолковал любознательному «бесу» Петруше смысл своего поступка: «Если бог есть, то вся воля его, и из его воли я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие... И обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому».

Очень опасался Пётр Степанович Верховенский, что такие слова всего лишь «мозговой выверт», и изрядно нервничал, ожидая выстрела из второй комнаты, куда удалился гордец-богоборец. На эту подвернувшуюся оказию «революционеры» (бесы, по бесхитростным словам чудака Верховенского-старшего) рассчитывали списать своё убийство Шатова, только что совершённое возле третьего пруда в Ставрогинском парке. Наконец, долгожданный выстрел самоубийцы обрадовал Петра Степановича, сидевшего до этой минуты как на иголках. Теперь всё пошло по задуманному плану. Так что, если слова Пушкина применить к ситуации Кириллова, то свобода приняла его у входа в загробное царство...

На самом же деле, Кириллов остался жив. Это же Жан Поль Сартр! Представитель так называемого атеистического экзистенциализма во Франции середины XX века. Сартра и его приятеля Альбера Камю волновали те же самые проблемы, что и Кириллова, точнее Достоевского: соотношение Бога и человека. Где границы свободы? Чья воля определяет Бытие? Бога или человека?

Такие проблемы и теперь, в начале XXI века, вновь стали остроактуальными. Может быть, они вечные? Пока человечество существует, от них никуда не деться. Но и фальшивых подделок тут мелькает с избытком. За новыми примерами далеко ходить не надо. Украина рядом: Майдан в Киеве, Дом профсоюзов в Одессе, перестрелка в Славянске.

Может быть, действительно свобода без Бога становится страшной? Так считал Достоевский. Или правы Сартр и Камю, переложившие бремя

свободы на человека? В Одессе «майданутые» западцы заткнули изобретательного беса Петрушу за пояс. Они забросали 2 мая 2014 года Дом профсоюзов банками с «коктейлем Молотова» и заживо сожгли 48 человек из укрывшихся там обитателей палаточного лагеря на Куликовом поле (антимайдане). Ещё больше покалечили, когда люди выпрыгивали из окон горящего дома.

Искусство следует за политическими событиями. Кинорежиссёр Владимир Хотиненко представил на телевиденье экранизацию «Бесов» и как бы взглянул на события глазами Достоевского. А вот студенты ГИТИСа возобновили спектакль по пьесе Сартра «Мухи», чтобы поразмышлять над теми же вопросами в ином аспекте.

Напомнила мне про старых и новых экзистенциалистах (Достоевском, Сартре и Камю) прозаик Анна Чернышева романом «Чужие боги» (ответственный за выпуск – Калашников Н.Н.; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013). Чернышѐва закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии, ей и карты в руки. Древний Египет воссоздан ею с хорошим знанием реалий. Оказывается, и в той далёкой эпохе (525 год до нашей эры) проблема свободы была не чужда, хотя в сюжете романа проявилась в несколько ином аспекте, чем в споре у высоких мужей. Чьи, дескать, здесь боги – свои или чужие? Одно дело ведь, если свои. К ним тогда отношение такое, как у Фѣдора Тютчева к Господу Иисусу Христу в стихотворении «Эти бедные селенья»:

Удручѣнный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

И совсем иное, дескать, дело, ежели боги чужие. Многочисленных египетских богов пленный персидский царевич Ахеменид за богов не признаѣт и иначе как демонами не называет.

Вслед за романом Анны Чернышевой «Чужие боги» и сборником её рассказов «После дождя» (Новокузнецк, 2010) пришлось снять с полки книги Жан Поля Сартра «Философские пьесы» (М.: «Канон», 1996), «Стена» (Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1992), а также повесть «Посторонний» Альбера Камю (избранные произведения. – М.: «Панорама», 1993) и роман «Чума» (там же). Аппетит, как известно, приходит во время еды или чтения, но, пожалуй, достаточно для обзора прозы.

Оскал молодого капитализма в России

Перепетии романа «Чужие боги» поначалу напоминают о ситуации у нас в годы Гражданской войны, когда в Красной армии служили латышские стрелки, чешские военнопленные, китайцы, венгры и т.д. Словом, защищал Советскую власть полный интернационал, для

представителей которого русские боги были, естественно, чужими, поэтому Христос, Богоматерь, Никола и все святители и старцы подлежали запрету, а священники и того хуже – уничтожению. Во имя, якобы, будущей гармонии. Такой национальный аспект, доказывает Чернышева романом, является лишь частью громадной проблемы: Бог и человек. Именно над такой задачкой ломали голову персонажи Достоевского, да и сам Фёдор Михайлович до конца жизни не мог от неё отделаться, развязать все узлы и узелочки. Так и остался роман «Братья Карамазовы» незаконченным...

Французы Сартр и Камю тоже оказались крепко привязанными к этому колышку. Спорили с Достоевским они отчаянно: нет, мол, Бога и всё тут, а человек сам себе хозяин, как бы Бог. Отцепиться от Фёдора Михайловича так и не смогли или не успели. Камю погиб в 1960 году, молодым – 47 лет. Буквально за год до смерти, в 1959 году, он пытался в своём театре, который начал было создавать, поставить спектакль по роману «Бесы». Не шуточки! Камю брал быка за рога, то бишь погружался в самую лаву мысли Достоевского.

Я уже писала как-то, повесть «Посторонний» Камю воспринимается нынче как геополитическая метафора, поскольку несправедливый суд над Мерсо теперь – прогноз писателя грядущих событий – «гуманитарных» бомбардировок авиацией НАТО Югославии, Ирака, Ливии. Однако литературное произведение строится по законам художественного образа в отличие от газетной статьи и публицистики других жанров. Оно многослойно по смыслу. Его ранняя повесть в социально-политическом аспекте изобличала не только судебную систему капитализма, но весь капитализм в целом. Здесь зачастую казнят, а то и милуют несправедливо. Суд оставил без внимания злостного отцеубийцу, но господина Мерсо за случайное убийство араба на пляже приговорил к наивысшей мере наказания – публичной казни на площади. Ну точь-в-точь как потом произошло с бомбёжками Югославии. Ни с того ни с сего забросали процветавшую европейскую страну бомбами с радиоактивной начинкой. Под видом демократии – произвол. Критикой капитализма творчество Альбера Камю нам сейчас ближе всего.

Последователи его в русской литературе находятся без труда. Взять хотя бы сборник рассказов Сергея Минина «Бильярды и гробы» (М.: Литературная Россия, 2013). Переключка между писателем середины XX века Альбером Камю и нашим современником Сергеем Мининым объясняется двумя причинами. Минин, надо полагать, читал Камю. Тюремные главы «Постороннего» не могли – сознательно или бессознательно – не повлиять на его стиль. Допустим, он Камю не читал. Тогда сработала другая причина. Оба писателя критикуют одни и те же язвы системы капитализма: француз раньше, русский позднее. Общий предмет изображения создал эффект переключки, сходства.

Возможно, сказалось то и другое.

Кто творит историю? Бог или человек?

Анна Чернышева – историк, поэтому, оставив наш молодой капитализм для анализа другим писателям, обращается к прошлому человечества в осмыслении феномена свободы. И при этом удачно прибегает к фантастике. Персонажи её произведений погружаются в ауру давней эпохи и влекут за собой читателя.

Вася Петров, статный русоволосый студент экономического факультета, в квартире друга Костика восхищался сокровищами из коллекций его папаши-историка. Глядя на уродливую медную кругляшку – копейку XVII века – Вася отчего-то попробовал её на зуб: не фальшива ли? Простился с другом, вышел из подъезда и задумался: «Чертовщина какая-то, пчи... на фига мне кусать эту дрянную деньгу?! Сколько народу её лапало! Тьфу! Гадость!» Фантастическое погружение в XVII век, время Медного бунта, не заставило себя ждать. «Он сплюнул прямо на асфальт, разрисованный цветными мелками. Кто-то провёл жирную черту поперёк дороги и написал, словно в издёвку: «Не переступать!» Вася шагнул и... свалился на грязный земляной пол». Ни кроссовок, ни джинсов на нём уже не было: босой в полотняной рубахе, такие же порки держатся на пеньковой верёвке. В избу вошёл широкоплечий бородатый мужик и напустился на него: «Вот так и сынок у меня! Я его хотел к себе на монетный двор пристроить, клялся дьяку, что меха раздувать некому, а ты от работы убёг!.. Поди сюда, я тебя выпорю заслушание!»

Петров бросился из избы наутёк. И начались его приключения в «чужом, непонятном мире», ведь студента угораздило попасть к нашим предкам в самый разгар Медного бунта.

Студент и сын кузнеца поменялись местами, заняв место друг друга. На улице к Петрову подлетел соседский подросток Митрий и уговорил его выбежать на дорогу, по которой шли мужики к царю Алексею Михайловичу в Коломенское с просьбой отменить медные деньги. Платили-то мужикам за работу дешёвой медью, а налоги собирали дорогим серебром. Это всё из-за войны с поляками, сослался Митрий на объяснение своего отца. Приятели с толпой мужиков добрались до Коломенского, дождались появления царя из церкви и, обступив, «били ему челом».

«Верно говоришь, батюшка!» – решил крикнуть Вася, чтоб не отличаться от стоящих рядом. Внезапно мужики одобрительно зашумели, подались в сторону. Вокруг Петрова образовалось свободное пространство. А прямо перед собой обалдевший студент увидел тёмноволосого мужчину с аккуратно постриженной бородой, пухлыми щёками и большими тёмными глазами. Его длинная из дорогой красной ткани с широкими рукавами одежда придавала солидности его приземистой фигуре с изрядным брюшком. «Царь...» – выдохнула толпа».

Царь что-то обещал. «Согласны! – дружно загудела толпа. – По рукам!» Студенту невероятно повезло. «Пусть так», – согласился мудрый

монарх и протянул Василию холёную широкую ладонь. Петров и очнуться не успел – пожал мягкую руку царя. Со всех сторон громко одобряюще закричали, заулыбались, принялись хлопать сына кузнеца по плечу, хвалить за смелость. Алексей Михайлович тоже милостиво улыбался. Неспешным вальяжным жестом стал выпроваживать мужиков со двора: "Ступайте, ступайте".

Как естественно и изящно разворачивается исторический сюжет под пером Чернышевой. Точные исторические реалии плюс фантастика автора – и читатель оказывается самой гуще событий.

Встретил Петров и Костика, который, не обнаружив в коллекции медяшки, бросился догонять друга. Переступил ту же самую черту на асфальте и попал вслед за ним во двор того же кузнеца. Уже втроём ребята смотрели через забор, как «рассвирепевшие стрельцы в длинных кафтанах саблями рубили безоружных растерянных горожан в серых льняных рубахах. Кто-то из них ещё пытался защищаться длинными палками, но острая сталь легко крошила их. Мужики пятились к реке, а стрельцы наступали. Многие из них уже стояли по колено в воде и шаг за шагом заходили всё глубже. Студент зажмурился. От страха ему стало холодно. Ледяное дыхание ползло по спине, зуб на зуб не попадал».

Если бы Петров попал в эту вторую группу мужиков, которых царь встретил не улыбкой, а саблями стрельцов, то вряд ли ему довелось бы вернуться в свою эпоху. Он горит нетерпением действовать: «Надо что-то делать, нельзя сидеть здесь и смотреть!» Костя только фыркнул: «Хочешь умереть вместе с ними? Историю не изменить, на самом деле нас с тобой здесь не было».

На этот же вопрос – может или нет человек изменить историю? – персонаж философской пьесы Сартра «Грязными руками» даёт другой ответ. Уго Барин отверг роль созерцателя. Характеры персонажей Чернышёвой и Сартра однотипные – они деятели. Наши предки в старину говорили: «Всё в руке Божией». Современный человек действует сам, хотя потом распутать сложный узел событий и доказать чистоту своих рук может лишь ценой своей смерти. Такой удел выпал герою пьесы Уго Барину, и он не уклонился, принял ответственность за эпоху на себя.

Уго получил от партии задание убить Хёдерера, вступившего, якобы, в предательский сговор с профашистским правительством регента. Близится окончание войны, все партии стремятся после её завершения прийти к власти, но выбирают разные пути к цели. Уго, работая секретарём у Хёдерера, убедился, что лидер не предатель и обосновал разумный план. Однако случайный выстрел лишил Хёдерера жизни, Уго попал в тюрьму, но герой – для своих.

Между тем, война окончилась. Именно план Хёдерера признан партией нужным и принят к реализации. Теперь Уго, убивший лидера, объявлен преступником. После освобождения из тюрьмы свои соратники по партии намерены его убить. В финале пьесы Сартр смоделировал

ситуацию, похожую на ту, что Достоевский придумал для Кириллова. Герой готов своей смертью утвердить свою идею. Ольга советует Уго объяснить убийство Хёдерера ревностью к молодой жене, тогда его оставят в партии и позволят работать дальше. Уго не соглашается. Такие крупные люди, как Хёдерер, доказывает он Ольге, умирают за идею, а не из-за какой-то мелочи.

Подъезжает машина, раздаётся стук в дверь: убийцы вызывают Уго. Ударом ноги распахнув дверь, он выходит к ним с криком: «Переделке не подлежит!» Теперь он во второй раз и по настоящему «убьёт его и себя вместе с ним», чтобы доказать, что тот погиб за идею.

«Грязные руки» политиков в пьесе Сартра и коварная улыбка царя в рассказе Чернышёвой – один и тот же художественный приём. Его смысл таков – свободу человека ограничивает не Бог, что тщился опровергнуть Кириллов, но сама жизнь, исторические обстоятельства определяют для человека высоту планки. Вот как выразил эту мысль Хёдерер в споре с Уго: «Как ты озабочен своей чистотой, дружок! Как ты боишься запачкать руки! Ну что ж, оставайся незапятнанным. Кому это нужно и зачем ты к нам пришёл? Чистота – забота аскета или монаха. Вы, интеллигенты и буржуазные анархисты, пользуетесь ею, как предлогом, чтобы бездельничать. Сидеть сложа руки, оставаться неподвижным, прижав локти к туловищу и натянув перчатки. У меня руки грязные. Грязные по локоть. В дерьме и крови. А ты думал, можно руководить и не запачкаться?»

Таковы его слова перед гибелью от случайного выстрела Уго Барина.

Жизнь, можно развить мысль персонажа, до конца не предсказуема, поскольку она одновременно процесс социальный и космический (природный).

Не требуется напрягать извилины, чтобы увидеть в споре сходство с нынешней дискуссией, которая идёт вокруг личности Сталина. Либералы обличают вождя за лагерь и гибель миллионов людей. Почвенники защищают Сталина, утверждая, что он в кратчайшие сроки провёл индустриализацию и этим обеспечил победу в Великой Отечественной войне. Спор неразрешим. Ибо каждый судит со своей «кочки» зрения. Но спорить надо! Писателям, философам, политикам, журналистам и, конечно, читателям книг, журналов и газет. Чтобы осмыслить всю сложность жизни. Осмыслить по возможности полнее.

От Достоевского – к Сартру

Общеизвестно, история движется по спирали. И лишь сталкиваясь с бурными событиями современности, убеждаешься, что каждый виток даётся человечеству с большим напряжением сил. Читая «Пути русского богословия» прот. Георгия Флоровского (Книга изготовлена по заказу Вильнюсского православного епархиального управления. Вильнюс, 1991), видишь в главах о латинствующей киевской школе семнадцатого века:

уния, Пётр Могила, борьба греческого патриархата и католических миссионеров за Киев – что истоки нынешнего Майдана Украины есть продолжение всё той же борьбы на новом, так сказать, витке истории.

Первое издание «Путей» Флоровского появилось в Париже в 1937 году, затем много раз переиздавалось и теперь считается незаменимым справочником по истории русской религиозной мысли. Казалось бы, далеко позади старообрядческий кризис или униаты с их непомерными амбициями. Ведь уже в XIX веке богословские страсти поостыли, уступив место книгам новых мыслителей – Фёдора Достоевского, Константина Леонтьева, за которыми потянулся в XIX–XX веках целый журавлиный выводок русских писателей: Владимир Соловьёв, Павел Флоренский, Алексей Лосев и многие другие. Сам Запад уже далеко не тот. Католическому Риму не до экспансии на Восток. Не до жиру, быть бы живу, как говорит в похожих ситуациях народ. Произведения Сартра и Камю, созданные ими в первой половине и в середине XX века, – убедительное свидетельство секуляризации европейской культуры.

Так примерно размышляешь, пока не забурлит Майдан на площади столицы Украины (октябрь 2013 года), враз проясняется, что многовековая духовная битва за Киев продолжается. Бросишься перечитывать «Пути» Флоровского и попеняешь себя за благодущие. Разве может огненная лава мысли внезапно остыть и исчезнуть неведомо куда? Стоит прислушаться и услышишь, как она ползёт, шкворчит, обжигает мозги ленивых тугодумов и пятки лежебок.

На новый виток исторического восхождения человек поднимается с духовным багажом в рюкзачке за плечами.

Как-то мне попался на глаза короткий афоризм: Бог – это любовь. Современный писатель без богословских выкладок и доказательств высказался в пользу Бога. (Ещё Вольтер говорил, мол, если бы не было Бога, то его следовало бы придумать.) Кто ж станет спорить! Все главные мировые религии эту истину, в конечном счёте, и утверждали.

Кириллов в «Бесах» выбрал аргументом против Бога смерть: я должен, мол, застрелиться, чтобы доказать свою волю. Это он утверждал свою свободу, от Бога, в первую очередь. Пётр Верховенский чужой смертью (Шатова) приближал, как он считал, общую свободу человечества.

Приём Достоевского подхватил Сартр. Уго Барин в пьесе «Грязными руками» тоже подкрепляет свободу аргументом смерти. «Переработке не подлежит!» – кричит о своём выборе убийцам. Свобода без Бога, убеждают нас писатели, – страшное дело.

Прозаик из Кузбасса – Анна Чернышева (Новокузнецк) – выбрала аргументом в пользу свободы любовь. Переломила, так сказать, «смертоносную» тенденцию мировой литературы. И слава Богу, Чернышева талантом не обделена! Её роман «Чужие боги», похоже, из числа тез рукописей, которые в огне не горят.

Свобода и любовь сильнее рабства и смерти

В романе Чернышевой «Чужие боги» мелькает описание города, которого никто из смертных – простых египтян – не видел и не смог бы найти.

Таитет-ткачиха «соткала волшебное полотно и отпустила по ветру, оно опустилось в ливийской пустыне, и возник на нём город Таид. Полюбился он богам верхнего и нижнего Нила». Когда возникает сильный ветер, он подхватывает полотно вместе с городом и уносит на новое место. А вот персу Арсаму удалось побывать в городе Богов, лишь невозможно было понять – была ли это реальность или наплыло виденье? Ведь он, заблудившись в пустыне, задремал. Египетский Бог доброй судьбы Шай, опекающий строптивного раба-перса, советует подопечному никому не рассказывать о Таиде, чтобы избежать лишних неприятностей.

Арсаму, конечно, крупно повезло. Он признаёт одного Бога, Ахура Мазду: персы в отличие от египтян уже исповедуют единобожие. Многочисленных богов Египта молодой Ахеменид обзывает демонами. Тем не менее, не оценённые по достоинству боги Египта мирволят непокорному рабу, охотно общаются и даже в мелочах и по крупному ему помогают. Такой хотя бы эпизод.

«Арсам раздражённо позвенел злополучной медной цепью.

– Гадость какая! Долго мне ещё так сидеть, будто ладья на якоре?!

– Сказали же тебе, только до завтра!

Арсам резко обернулся, в самом тёмном углу был ясно виден силуэт, ещё более чёрный, чем окружающая тьма. Вокруг него распространялось мертвенное синеватое сияние. Перс различил худого долговязого человека с шакалей головой, длинной подвижной мордой и большими заострёнными ушами.

– Сгинь!

– Вот ещё! – отмахнулся тёмный силуэт. – Ишь, раскомандовался!

Возмущённый Ахеменид потрянул головой, потёр глаза. Видение не пропало. Жёлтые горящие шакальи глаза насмешливо сузились.

– Ты ещё ногой топни. Сказано, неохота мне тебя слушаться, – протявквал шакалоголовый.

– Ты кто?

– Бог.

– Не может быть!

– Где-то и не может, а здесь я – Бог. Анубис – страж загробного царства, ну и бог ещё кое-чего. Конечно, самый главный у нас на том свете Осирис, но последние 200 лет египтяне стали нас путать, кто главный, кто не главный. Осирис аж позеленел от злости, ничего не мог поделать. Так что перед тобой настоящий бог».

Перс усомнился было, но шакал воскликнул: «Хошь, докажу? Смотри!» Тут же грубое «кольцо, сжимавшее ногу пленника, само собой разжалось, цепь отползла к колонне, словно большая змея».

Утром красавица Анахит ахнула, обнаружив валявшуюся поодаль цепь. «Кто тебя освободил?» – не удержалась от вопроса и услышала: «Сами Боги».

Читателю-подростку знакомство с древними богами Египта – вроде туристической поездки. Взрослого больше интересует, какими путями рабы Арсам и Анахит обрели подлинную свободу. Родственник могущественного царя Персии неожиданно оказался в Египте на положении не победителя, а раба номарха (священнослужителя) Херихора. «Я твой раб», – шутит Арсам с молодой красавицей: иноземка, наложница Херихора, жена-египтянка у которого умерла. Он очутился на дне жизни, но держится и не пренебрёг друзьями по несчастью, полюбил Анахит, подружился с чернокожим рабом Ганнибалом. Благодаря душевной отзывчивости Ахеменид смог понять непривычную страну и оценить доброту египтян. Его в наказание только приковывали 2 раза цепью к столбу в строении, где обычно он спал на прохладном полу, постелив простую циновку. А греки, роняет на этот счёт реплику писательница, или те же персы наказали бы раба заслушание намного более жестоко. Расторопные боги Египта словно бы покровительствовали Ахемениду, убедившись в его доброте. Никто насильно пленника не принуждал к новой вере, он свободно проникся к богам Египта симпатией.

Когда персидский царь Камбиз во второй раз пришёл с войском и завоевал Египет, его племянник Арсам стал защитником «чужих богов». Остановил мародёров-воинов от грабежа египетских храмов, уговорил он Камбиза, ты, мол, теперь стал фараоном и не сможешь управлять народом, если разрушишь его храмы и религию.

К внутреннему ощущению свободы, которое Арсам сохранял и в положении раба, добавилась свобода внешняя. Анахит ушла от Херихора и стала его женой. Однако красавица теперь приглянулась его дяде (новому фараону). Защищая Анахит, влюблённый схватил факел. «Перед ним застыло искажённое страхом лицо Камбиза в языках рыжего пламени. Неожиданно из-за царского плеча появилась шакалья морда Анубиса.

– Не сейчас и не ты! – протявкали бог и дунул на факел.

Тот сразу погас, словно слабый фитилёк. Резко протрезвевший Камбиз тяжело дышал.

– Не горячись! Всё, всё...

– Я сегодня же покину твой дворец, – решительно заявил дядя Арсам, – но берегись, твоя смерть совсем рядом, а я буду жить долго и счастливо...»

На последней странице романа выясняется, что египетские приключения пережил в сновидении Андрей, пребывавший целый месяц в коме. Наконец он открыл глаза, рыдающая женщина бросилась к нему на грудь: «Андрюша! Ты вернулся! Вернулся!» Он узнал свою Анахит и «прошептал нежно:

– Мы будем жить долго и счастливо...»

Прекрасный роман. Ещё одна легенда о любви и свободе. А всё-таки жизнерадостная энергетика молодёжной стройки Запсиба 60-х годов XX века не ушла в песок. Произведение о свободе, обрётённой персонажами через любовь! Значит, земля Кузнецкая пропиталась на века вперёд жизнерадостной любовью к Бытию. Давно отзвучали задорные песни молодёжного Запсиба, но энтузиазм его неугомонных строителей остался в менталитете жителей Кузбасса. Книжные новинки сибиряков год за годом подтверждают это. А что может быть прекраснее вечного обаяния юности!

Молоко. – 2014. – № 8.

Содержание

Синие кафтаны	4
Иконописец.....	11
Горящая Москва	23
Разбитое стекло	52
Ляшева Р. И вечное обаяние юности.....	66

«Научиться писать небеса» – книжка исторических рассказов Анны Чернышевой. Герои этих рассказов – русские дети. Даже героине рассказа «Разбитое стекло», барышне-учительнице Анастасии, ещё не исполнилось восемнадцати. Но всем им приходится видеть, а зачастую участвовать в войнах и революциях, на которые так щедра наша история. Шестилетний Иван видит, как царь Пётр лично рубит голову его отцу, мятежному стрельцу, а через 11 лет, рекрутированный в армию на 25 лет, участвует в сражении под Нарвой и спасает жизнь царю. Восемилетняя дочка кухарки участвует в поджогах в захваченной французами Москве, чтобы приблизить изгнание захватчиков. Учительнице Анастасии приходится спастись от революции, которой не нужны грамотные люди.

Самый светлый рассказ в этой книжке – «Иконописец». В нём нет войны (или она где-то далеко). Ивашка, крепостной мальчишка, отданный в обучение отцу Фёдору и пока только грунтующий полотна для икон, мечтает: «Хорошо бы ещё *научиться писать небеса* так, чтоб они были и высоки и полны свежим ветром». Ну что ж, время петровских перемен – уже нужны не только иконописцы, но художники.

